

Къ исторіи вѣшняго состоянія константинопольской церкви подъ вгомъ турецкимъ ¹⁾.

I.

Взятіе Константинополя турками и паденіе византійской имперіи. Вѣдствія христіанъ при покореніи Константинополя. Вопросъ о релігіозномъ фанатизмѣ турокъ. Мухаммедъ II. Типъ средневѣковаго завоеванія (Константинополь въ 1081 г.). Злодѣйства турокъ и ихъ дѣйствительные мотивы. Мѣра участія фанатизма.

Въ 1453 г. подъ ударомъ османскихъ турокъ пала византійская имперія. Это событіе и для самихъ грековъ не было неожив-

---

¹⁾ Чаше другихъ и потому подъ сокращеніями будутъ встрѣчаться ссылки на слѣдующія сочиненія:

Г. — В. О. Гиргасъ, Права христіанъ на востокъ по мусульманскимъ законамъ. С.-Петербургъ, 1865.

Н. — Joseph v. Hammer, Geschichte des osmanischen Reiches, grosentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. 2-te Ausgabe. Pesth, 1834. Авторъ пользовался многочисленными турецкими памятниками и записками европейскихъ дипломатовъ. Указываемъ томъ (Band) и страницу.

Мл. — И. И. Малышевскій, Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій. Кіовъ, 1872. Интересующее насъ начало этого сочиненія перепечатано въ Труд. К. Д. Ак., 1873, I, 55—104. При ссылкѣ на эту статью страницы ставимъ въ скобкахъ.

Мѡ. — Историческій списокъ (Κατάλογος ιστορικός) константинопольскихъ патріарховъ отъ 1453 по 1836 г., соч. архидіакона Зихаріи Маѡы (Ζ. Μαδᾶ Ανδρίου) (Навпль, 1837), перев. съ греч. въ Христ. Чт. 1862 г.— Ссылки на страницы перваго тома Хр. Чт. 1862.

Ph. — Georgius Pflugantzes. Chronicon majus, ed. Pontani et Alteri, у Migne, Patrol. s. gr. t. CLVI. Ссылка на страницы (р.) прежняго изданія и столбцы (с.) Patrol. Migne.

Рз. — И. Розовъ. Очерки исторіи восточной церкви со времени взятія Константинополя турками до настоящаго времени. Москва, 1880. 143 стр.

Tg. — Turcogaeciae libri VIII, а Martino Crusio edita. Basileae, 1534. Для насъ интересны въ первой книгѣ такъ называемая—

Tg. 1. — Historia politica (ιστορία πολιτική τοῦ Κ—πῶλεως), а. 1391—1578,

даннымъ. Уже давно османы стали твердою ногою въ Азіи и въ Европѣ; ихъ владѣнія, точно желѣзное кольцо, постепенно сокращавшеся, сжимали византійскую имперію. Даже разгромъ Тимура не произвелъ счастливой перемѣны въ ея положеніи. Адрианополь по прежнему остался европейскою столицею султановъ. По договору 1424 г. турецкая граница доходитъ до Месимвіи, Деркѣ и Зетуни ¹⁾). Лишь ничтожный уголокъ въ Европѣ носилъ громкое названіе „царства ромеевъ“. Константинопольскіе политики приходили къ убѣжденію, что только энергическая помощь западной Европы можетъ спасти имперію отъ неминуемой гибели. Сдѣлали попытку—купить политическую самобытность, пожертвовавъ религіозною. Состоялась ферраро-флорентійская унія. Аристократія по видимому склонялась на такую сдѣлку, но массы и слышать не

анонυμί α Theodosio Zygomala ad Crusium missa (pp. 1—43; Crusii annotationes pp. 44—68) и во второй книгѣ—

Тг. 2, — *Historia patriarchica* (περί τῶν πατριαρχῶν... τῆς Κ—πόλεως), а. 1453—1578, переведенная для Крузія на новогреческій языкъ (εἰς κοινὴν φράσιν) Мануиломъ Малаксомъ (Μαλαξοῦ) (pp. 105—181; Crusii annotatt. pp. 184—212).

Υψ. — Ἀθανασίου Κομνηνοῦ Ἰψηλάντου, Ἐκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν... βιβλ. II, Θ' καὶ Γ'. Τὰ μετὰ τὴν ἄλωσιν (1453—1789), ἔκδοσ. ἀρχιμ. Γερμαν. Ἀφθονίδου, Κ—πόλε, 1870. Ссылка на страницу (σ.) и годъ (ε.).

Z. — Zinkeisen, *Geschichte des osmanischen Reiches in Europa* (по европейскимъ источникамъ). Hamburg, 1840. Ссылка на томъ и страницу.

D. — Ducas, *Historia byzantina* (Corpus script. hist. byz. Bonnæ, 1834. Migne, *Patrol. s. gr. t. CLVII*). Ссылка на главы (с.) и страницы (р.) боннского изданія. Затѣмъ слѣд. памятники, собранные у Миня, *Patrol. s. gr. t. CLIX*.

Isd. — Isidorus, S. R. E. cardinalis ruthenicus, *Encyclica*, scr. Petae, а. 1453. (col. 953—956).

La. — Laonicus Chalcocondyles, *De rebus turcicis* II. X (col. 389—397).

LncI. — *Annales turcici*, ad a. 1550, ab Joh. Leunclavio latine redditi cum supplementis.

Lrd. — Leonardus Chiensis, Mitylenae archiepiscopus, *De expugnatione C-poleos epistola ad Nicolaum papam V*, ex Chio 16 augusti 1453 (col. 923—944).

¹⁾ D. 29 p. 196. Z. 1,533.

хотѣли объ измѣнѣ православію. „Лучше, говорили въ народѣ, впасть въ руки турокъ, чѣмъ франковъ“ ¹⁾. Послѣдній уніональный опытъ послѣдняго Палеолога (12 декабря 1452 г.) постигла полнѣйшая неудача: народъ не хотѣлъ даже входить во св. Софію, чтобы не оскверниться соприкосновеніемъ съ унітами, и обзывалъ прославленную „великую церковь“ „вертепомъ еретиковъ“ ²⁾.

Въ 1453 г. началась осада. Трехсоттысячное турецкое войско обложило Константинополь, населеніе котораго ³⁾ выставило всего лишь 8.000 войска. Мухаммедъ II обѣщаніемъ — отдать городъ на трехдневное разграбленіе возбудилъ воинскій пылъ своихъ сподвижниковъ ⁴⁾, и утромъ 29 мая Константинополь взятъ былъ штурмомъ. Ворвавшаяся орда бросилась убивать и грабить. Выходившіе изъ константинопольскаго порта корабли едва не тонули: до того они были нагружены всякою добычею, — проданными въ рабство плѣнными, драгоценными вещами и „книгами безъ числа“ ⁵⁾. Цифра награбленной добычи доходила до четырехъ милліоновъ дукатовъ (11.600,000 р. зол.) ⁶⁾.

Сцены грабежа и разрушенія сопровождалась дикимъ разгуломъ и поруганіемъ христіанской святыни. Иконы попирали ногами, рубили на дрова и жарили на нихъ мясо. Престолы и жертвенники со священными сосудами употребляли вмѣсто столовъ для попоекъ. Въ одномъ мѣстѣ съ барабаннымъ боемъ и возгласами:

---

¹⁾ D. 39, p. 290.

²⁾ Ibid.

³⁾ М. л. (60) полагаетъ населеніе лишь до 40,000. Рз. 2: «60,000 христіанъ обращены были въ рабство». Фактъ тотъ, что турки полагали въ Константинополь *μίνιμισι*, *τοὐλάχιστον*, 50,000 вооруженныхъ защитниковъ, тогда какъ ихъ было всего 8,000. D. 39, p. 287.

⁴⁾ L. n. s. l. p. 329, c. 612.

⁵⁾ D. 42, p. 312.

⁶⁾ L. a. 393: nota 42.—Опираясь на Tg. 1, 33. Tg. 2, 140, Z. 3, 356 и 798—801. L. n. s. l. p. 404, за нормальный типъ червонецъ, дукатовъ, *χρῶσινα*, *φλορία*, о которыхъ говорится въ древній періодъ турецкой исторіи, можно принимать венеціанскій пехивъ, *zecchino veneto*, средняя (металлическая) стоимость котораго доходила до 290 нынѣшнихъ коп. золотомъ.

„вотъ Богъ христіанъ!“ носили по лагерю распятіе, накрытое янычарскою шапкою. Дѣтей десятилѣтняго возраста принуждали къ мусульманству ¹⁾. Наконецъ 1 іюня въ пятницу въ опустѣломъ храмѣ св. Софіи впервые ²⁾ совершена была мусульманская молитва, и „великая церковь“ стала мечетью.

Фактъ взятія Константинополя, какъ бы ни были велики его послѣдствія для восточной церкви, по существу своему принадлежить исторіи политической; но уже современники этого событія всѣми силами старались перемѣстить центръ его тяжести въ сферу собственно религіозную. Леонардъ, архіепископъ митиленскій, въ своемъ посланіи къ папѣ Николаю V отъ 16 августа 1453 г., и кардиналъ Исидоръ, извѣстный экс-митрополитъ кievскій и всея Руси, въ своей энцикликѣ того же года, сдѣлали отчаянныя усилія—вызвать крестовый походъ противъ турокъ. И чтобы дока-

¹⁾ Своднымъ здѣсь самымъ яркимъ проявленіемъ турецкаго фанатизма. Объ иконахъ, что въ текстѣ, у D. p. 312 и еще Lrd. 942: quibus super non modo scapulam, sed luxuriam complent. О престолахъ и жертвенникахъ Ph. c. 880. Isd. 955.—О распятіи Isd. и Lrd. 942: crucifixum ... sputis, blasphemis, opprobriis iterum processionaliter crucifigunt. Только Isd: intra decennium pueros ad ritus suae perfidae sectae compellebant. Онъ же: sancta canibus dabant... margaritas sacramentorum ante porcos projiciebant (въ собственномъ или метафорическомъ смыслѣ?) Но Ph. c. 880 только: τὰ ἅγια λείψανα καταπατοῦντες... ἢν ὄραν τὸ θεῖον αἶμα καὶ αἶμα Χριστοῦ κατὰ γῆς χεόμενον καὶ ῥιπτόμενον (злостная предвзятность или грубая небрежность?) Isd. imagines..., insignia... crucis conspuentes, confringentes, conculcantes; sacrosancta evangelia... dilacerantes, deturpantes, comburentes. Но D. p. 312 только: εὐαγγέλια μετὰ κίβητος παντοίου ὑπὲρ μέτρον, ἀνασπῶντες τὸν χρυσὸν καὶ τὸν ἄργυρον, ἀλλ' ἐπώλου, ἀλλ' ἐῤῥιπτον. Наконецъ въ Notitia ad Isd. 950 цитруется книга «Purpura docta» (Monachii, 1714, слѣдовательно далеко не первоисточникъ), гдѣ есть такое извѣстіе: ossa martyrum... canibus objecta et suis... In reliquis templis aut lupanaria meretricum facta aut equorum stabula. In sacris Deo viros, religiosos et sacerdotes ita foede saevitum, ut modus detestabilis, quo vexati atque enecti sunt, neutiquam honeste referri queat. Но Isd. 955 говоритъ только, что турки грабили мужскіе и женскіе монастыри и выгоняли монаховъ и монахинь изъ ихъ жилищъ.

²⁾ О днѣ, въ который св. Софія обращена въ мечеть, историки говорятъ неясно. По Г. 83 это было на другой день по взятіи Константинополя, но изъ D. 40 p. 298, nota Leunclavii ad h. l., видно, что это случилось лишь 1 іюня.

затѣ западной Европѣ всю ея солидарность съ побѣжденными греками, эти латинскіе прелаты разсматриваютъ взятіе Константинополя не какъ саму въ себѣ законченную побѣду турокъ надъ греками, но какъ эпизодъ изъ общаго похода мусульманъ противъ всего христіанскаго міра. Исидоръ напр. пишетъ, что „предтеча антихриста“, „врагъ вѣрста“ и „сынъ сатаны“, Мухаммедъ II уже собирается въ походъ для дальнѣйшихъ завоеваній. „Поэтому прошу, увѣщаваю и умоляю всѣхъ васъ: по ревности о вѣрѣ и христіанской религіи препояшьте мечомъ за вашу свободу противъ такихъ жестокихъ враговъ богопочтенія и всего святаго и нравственнаго“. А чтобы убѣдить западную Европу, что походъ турокъ противъ грековъ имѣетъ смыслъ именно религіозный, и Леонардъ и Исидоръ тщательно собираютъ и подчеркиваютъ всѣ примѣры поруганія христіанской святыни турками и такимъ образомъ первые обосновываютъ мысль о религіозномъ фанатизмѣ турокъ, какъ главной силѣ, управлявшей ими при взятіи Константинополя.

Этотъ взглядъ и въ настоящее время имѣетъ своихъ послѣдователей, и ему нельзя отказать въ извѣстныхъ достоинствахъ, по крайней мѣрѣ удобствахъ: если въ туркахъ мы имѣемъ дѣло прежде всего съ фанатиками, то зарево константинопольскаго разгрома освѣщаетъ своимъ зловѣщимъ, но единственно правильнымъ свѣтомъ всю послѣдующую исторію константинопольской церкви, заранѣе предрѣшаетъ ея несчастное будущее, объясняетъ всѣ дальнѣйшія осложненія событій. Позвоительно однако спросить, не слишкомъ ли много чести мы приписываемъ ордѣ Мухаммеда II, объясняя религіознымъ фанатизмомъ ея дѣянія, т. е. предполагая, что она убивала, грабила и разрушала, „мняся службу приносить Богу“,— между тѣмъ какъ историки—очевидцы, ни чуть не менѣе Исидора и Леонарда достовѣрные, больше чѣмъ они пострадавшіе отъ турецкаго разгрома, раздѣляющіе— въ общемъ— ихъ точку зрѣнія на это событіе и все-таки болѣе ихъ объективные, Франца и Дука даютъ возможность почти весь комплексъ турецкихъ дѣйствій разложить на элементы гораздо болѣе низменнаго порядка.

Что касается самаго факта завоеванія Константинополя, то пусть всё современники въ одинъ голосъ твердятъ, что Мухаммедъ II, отъ юности врагъ вѣрующихъ въ Распятаго, по своей явной ненависти къ христіанамъ ¹⁾, пошелъ на этотъ городъ, но едва-ли возможно даже какое-нибудь сомнѣніе, что паденіе Византіи было чистою политическою необходимостью, неотвратимымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ успѣховъ турецкаго оружія: утвердившись такъ прочно въ Адрианополь, должны же были османы когда-нибудь потребовать себѣ и Константинополя. Обстоятельства уже такъ сложились, что даже поголовное обращеніе турокъ въ христіанство—предполагал, что они все-таки не поступились бы своими завоеваніями въ пользу своихъ просвѣтителей,—не спасло бы имперію отъ гибели. Различіе было бы лишь то, что теперь Мухаммедъ II имѣлъ возможность выдать свой походъ за джагадъ, священную войну за вѣру, а тогда она называлась бы уже просто и безъ прикрасъ войною для округленія владѣній. —Мухаммедъ II былъ безспорно человекъ умный, по своему даже очень ученый ²⁾; но это внѣшнее образованіе не смягчило его жесткой природы, и онъ оставилъ по себѣ память какъ такой султанъ, для котораго убить человека собственною рукою было все равно, что задавить блоху ³⁾. Для достиженія своихъ цѣлей онъ не пренебрегалъ никакими ресурсами, охотно прикрывалъ свои предпріятія священнымъ знаменемъ религіи ⁴⁾ и, можетъ быть, иногда говорилъ съ своею ордою въ тонѣ высоко-фанатическомъ ⁵⁾. Но что въ глубинѣ своей души онъ не

¹⁾ Кромъ Isid, D. p. 232. Ph. с. 813.

²⁾ Ph. p. 93—95.

³⁾ D. 35 p. 249: μή φειδόμενος, μή ἐλεῶν· ἀλλ' ὡσπερ τις ψόλλαν σιντριβῶν αἰσθάνεται τινος ἡδονῆς, οὕτω καὶ οὗτος οἰκεία χερσὶ φονεῶν. Cf. p. 240, 248, 270.

⁴⁾ D. p. 23): онъ объявилъ войну мусульманскому владетелю Караману за то будто бы, что онъ слишкомъ дружитъ съ христіанами.

⁵⁾ Z. 2, 469. Таково напр. его в званіи къ войнѣ противъ невѣрныхъ (ок. 1470 г.), сохранившееся въ латинскомъ переводѣ въ epist. 380 cardinalis Parisiensis, если только оно не подлогъ. «Я, Мухаммедъ, сынъ Мурада, султанъ, во всѣхъ отношеніяхъ счастливый, грозный для смертныхъ, молитвами небесныхъ (sis! caelestium) и великаго пророка Мухаммеда побѣдоносный импе-

былъ фанатикомъ, это онъ доказалъ своими добрыми отношеніями къ патриарху Геннадію, въ которыхъ заходилъ слишкомъ далеко для фанатика, который только изъ политическихъ видовъ сдается на компромиссъ съ релігіозными убѣжденіями ¹⁾. Не безъ основаній же сложилась молва, что воспитанный христіанкою, дочерью Лазаря сербскаго, султанъ сталъ вполнѣ индифферентнымъ въ дѣлахъ вѣры, не заботился ни объ исламѣ ни о христіанствѣ, а во всемъ преслѣдовалъ только свои властолюбивыя виды ²⁾. Отъ такого характера нельзя конечно ожидать особенныхъ попеченій о гуманномъ обращеніи съ побѣжденными; но нѣтъ никакихъ доказательствъ и того, чтобы въ дѣло завоеванія Константинополя самъ султанъ лично вносилъ струю фанатизма. Напротивъ есть одно рѣшительное свидѣтельство за то, что Мухаммедъ II не былъ расположенъ терпѣть и въ своихъ подчиненныхъ обнаруженія фанатизма, коль скоро они заходили за извѣстныя границы. Вступая въ „великую церковь“, замѣтилъ султанъ турка, который ломалъ мраморную плиту пола. „Ты зачѣмъ портишь полъ?“ обратился къ нему султанъ.— „Ради

раторъ императоровъ..., въ семь обѣщаюсь и клянусь творцу всѣхъ, единому Богу, что сна не дамъ очамъ моимъ, не стану ни ѣсть въ удовольствіе, ни искать наслажденій, лица своего не поверну отъ востока къ западу (sic!), пока не ниспровергну и не попрю копытами коня моего всѣхъ языческихъ боговъ (deos gentium), писанныхъ и сдѣланныхъ изъ дерева, серебра и золота руками хриstopоклонниковъ, и пока не сотру съ лица земли, отъ востока до запада (sic), все ихъ нечестіе, во славу истиннаго Бога Саваоа (sic) и великаго пророка Мухаммеда».

¹⁾ Ph. p. 95: и патриарха киръ Геннадія онъ любилъ и слушалъ его и часто бесѣдовалъ съ нимъ». Tg. 2, 119.120. Прочитавъ изложеніе вѣры Геннадія, султанъ «увѣрился, что таинства вѣры христіанъ истинны и чудодѣйственны, и никакого лукавства нѣтъ въ нихъ, но чисты они и свѣтлы золота. И сильно полюбилъ онъ родъ христіанскій и взиралъ на него благосклонно... И не только султанъ любилъ христіанъ, но и всѣ мусульмане полюбили ихъ изъ-за повелѣнія своего государя». Конечно подобныя преданія нужно читать cum grano salis, но даже легенды въ такомъ родѣ не слагаются о ревностныхъ фанатикахъ своей вѣры. А рассказъ Isd., что Мухаммедъ II до того ненавидѣлъ христіанъ, что самую встрѣчу съ ними считалъ за оскверненіе, отъ котораго спѣшалъ очиститься, умывъ лицо и глаза,—это сказаніе выходитъ уже изъ предѣловъ правдоподобія.

²⁾ Tg. 2, 194, Crusii nota, начинающаяся впрочемъ глухямъ «scribitur».

вѣры“, сказалъ турокъ. Мухаммедъ отвѣтилъ ревнителю вѣры страшнымъ ударомъ сабли. „Будетъ съ васъ и сокровищъ да плѣнниковъ, — прибавилъ онъ: — а городскія зданія — мои“. Свита султана вытащила турка за ноги и полумертваго выбросила его вонъ изъ св. Софiи ¹⁾.

Что касается подробностей завоеванiя Константинополя, то конечно отъ непосредственныхъ свидѣтелей, или лучше — жертвъ этого происшествiя нельзя и ожидать объективнаго отношенiя къ нему. Пораженные своимъ настоящимъ, оскорбляемые на каждомъ шагу и въ своихъ религiозныхъ чувствахъ и въ патриотическихъ, они и не думаютъ обратиться къ прошедшему, не припоминаютъ никакихъ аналогичныхъ событiй изъ прежней исторiи Царегграда, ни даже подробностей его завоеванiя „франками“ въ 1204 г. А между тѣмъ эти случаи выясняютъ, до какой степени турецкiй разгромъ завоеваннаго города былъ въ духѣ того времени. Вотъ напр. какъ вступилъ нѣкогда въ свою столицу императоръ Алексѣй Комнинъ, съ успѣхомъ поднявшiй знамя бунта противъ императора Никифора Воганиата.

Утромъ 1 апрѣля 1081 г. «все ополченiе (Алексѣя), составленное изъ иноземнаго и туземнаго войска, зная, что столица издавна изобилуетъ всякаго рода сокровищами и постоянно наполняется ими съ суши и съ моря, быстро вошло въ нее чрезъ Харсiевы ворота и, разсѣявшись повсюду — по главнѣйшымъ улицамъ, перекресткамъ и переулкамъ, не щадило ни домовъ, ни церквей, ни даже самыхъ священныхъ олтарей, но выносило оттуда богатую добычу, и только удерживалось отъ убiйствъ, а все прочее совершало дерзко и безстыдно. Всего же безстыднѣе было то, что подобныя дѣла позволяли себѣ и туземцы, какъ будто бы они, забывъ себя, перемѣнили свои нравы къ худшему и, не краснѣя, совершали то же самое, что варвары» ²⁾. «Столицу постигло неописанное несчастье... Дѣйствительно, тяготѣвшихъ надъ нею въ то время ужасовъ не опишетъ никто, если бы и хотѣлъ. Въ эту годану и святилища, и храмы, и общественныя зданiя, и частныя дома, — все и всѣми было расхищаемо; слухъ cadaго

¹⁾ Д. 40 р. 298.

²⁾ Byzantinische Historiker (русскiй переводъ слб. д. акад.). Анна Комнина. Часть I. С.-Петербургъ, 1859 г., кн. 2, гл. 10, стр. 120.

былъ поражаемъ выходившими со всѣхъ сторонъ воплями и криками; иной, видя это, сказалъ бы, что случилось землетрясеніе» ¹⁾). Въ первый же день по вступленіи въ Константинополь новый императоръ низложилъ старо-го, овладѣлъ дворцомъ и затѣмъ «занялся дѣломъ настоятельно необходимымъ, — весь остатокъ дня и всю ночь провелъ въ заботѣ о томъ, чтобы рассыпавшееся по Византіи и буйствовавшее войско безъ шума удержать отъ безчинія и возстановить общественное спокойствіе» ²⁾). Набожный императоръ, считая себя отвѣтственнымъ за «все зло, произведенное въ дѣломъ городѣ каждымъ изъ его воиновъ, сколько ни разлилось этой сволочи по столицѣ» ³⁾), до того болѣлъ душою, что, для успокоенія своей совѣсти, упросилъ патріарха и священный соборъ — наложить на него суровую 40-дневную эпитимію, которую вмѣстѣ съ нимъ добровольно несли и женщины его царственной семьи ⁴⁾).

Чтобы понять весь жестокий смыслъ этого факта, замѣтимъ, что мы приводимъ слова автора, безусловно свободнаго отъ подозрѣнія въ преувеличеніи бѣдствій: пишетъ дочь самого побѣдителя, Анна Комнина, горячая почитательница своего отца не только какъ чловѣка, но и какъ военнаго и политическаго дѣятеля. И если торжествующая греческая армія патворила въ Константинополѣ значительно меньше зла, чѣмъ сподвижники Мухаммеда II, то нужно принять въ расчетъ, что Алексій Комнинъ взялъ городъ не штурмомъ, а подкупомъ ⁵⁾, и слѣдовательно поступки его солдатъ нельзя объяснять неудержимо разгорѣвшимся ихъ воинскимъ пыломъ, а главное — столица была взята на страстной недѣлѣ въ великій четвергокъ, въ тотъ „великій день, въ который мы совершаемъ и вмѣстѣ вѣушаемъ таинственную Христову пасху“ ⁶⁾. А вѣдь и сами „варвары“ (частію) въ войскѣ Алексія были христіане. Наконецъ мы все-таки не знаемъ, какъ бы рассказалъ объ этомъ 1-й апрѣля 1081 г. тонкій наблюдатель-очевидецъ, который

---

¹⁾ Анна Комнина, кн. 3, гл. 5, стр. 147.

²⁾ Тамъ же, кн. 3, гл. 2, стр. 134.

³⁾ Кн. 3, гл. 5, стр. 147.

⁴⁾ Стр. 149.

⁵⁾ Измѣнилъ вождь «немцевъ», «Гилпрактъ» (Gillbrecht). Тамъ же, стр. 118.

⁶⁾ Тамъ же, кн. 2, гл. 10, стр. 119, 120 Пасха 1081 г. была 4 апрѣля.

взглянулъ бы на это происшествіе съ точки зрѣнія Леонарда или Исидора.

Но возвратимся къ 1453 г. Не выяснивъ нормальнаго типа средневѣковаго завоеванія со всѣмъ обиліемъ темныхъ сторонъ его, наши историки-очевидцы не дѣлаютъ различія и между неизбежными, строго логическими послѣдствіями паденія Константинополя и случайными или преднамѣренными, но излишними отягченіями ихъ участи. Такъ напр. безразличіе турокъ въ отношеніи къ священному и мірскому жестоко уязвляло лучшія чувства побѣжденныхъ. Имъ хотѣлось бы, чтобы къ священникамъ и монахамъ турки относились не какъ къ зауряднымъ плѣннымъ, а съ извѣстнымъ уваженіемъ, чтобы въ священныхъ сосудахъ и они видѣли святыню и отличали ихъ отъ другихъ драгоценныхъ вещей ¹⁾). Между тѣмъ ожидать отъ турокъ нетурецкаго поведенія въ данномъ случаѣ значило бы требовать отъ нихъ такого тонкаго пониманія, такой деликатности чувствъ, на которыя они рѣшительно были неспособны.—Точно также для всякаго ясно, что св. Софія, какъ *spolia opima* Константинополя, должна была принадлежать побѣдителю; что, при равныхъ условіяхъ, византійскій императоръ такъ же обратилъ бы въ церковь какую-нибудь столь-же славную мечеть покореннаго мусульманскаго города. Но могли ли христіане смотрѣть на это превращеніе ихъ вѣковой святыни съ иными чувствами, говорить объ этомъ инымъ языкомъ, чѣмъ напр. Лука? А этотъ историкъ, столь сдержанный и осторожный, пишетъ, что обобрали „эти собаки“ всѣ украшенія св. храма, и наконецъ „сынъ беззаконія“, „предтеча антихриста“, султанъ взомель на св. трапезу, подъ которою были мощи апостоловъ и мучениковъ, сталъ надъ ними „печестивый турокъ“ и началъ молиться, между тѣмъ какъ съ амвона, по его приказу, одинъ изъ его „мерзкихъ“ іереевъ

---

¹⁾ Это варварское безразличіе турокъ составляетъ твердый фундаментъ на которомъ Леонардъ и Исидоръ строятъ свое воззрѣніе Ср. пр. на стр. 141.

„проговорилъ свою скверную молитву“ ¹⁾ (конечно она была принесена „во имя милостиваго и милосерднаго Бога“).

Но, поэтому, тѣмъ болѣе значенія должны имѣть другія указанія этихъ писателей, столь непосредственныхъ въ выраженіи своихъ чувствъ по поводу описываемыхъ событій и ни на іоту не туркофильствующихъ, — тѣ свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что не мало самыхъ темныхъ подробностей на этой картинѣ дикаго торжества побѣдителей произошло отъ случайныхъ ошибокъ, вызвано мотивами, не имѣющими съ религіознымъ фанатизмомъ ничего общаго ²⁾. Извѣстно, что самъ султанъ приказалъ казнить Нотара съ другими придворными и вліятельными греками и нѣсколько знатныхъ иностранцевъ. Полагаютъ, что онъ распорядился такъ для того, „чтобы завладѣть ихъ имуществомъ“ ³⁾. Точно не могъ Мухаммедъ II обобрать ихъ до нитки и оставить имъ — жизнь, хотя бы только изъ презрѣнія варвара! Но какіе же глубокіе расчеты побуждали его казнить ихъ, — политическіе или религіозные? Всего вѣроятнѣе, ни тѣ ни другіе. Современники говорятъ намъ, что эти аристократы погибли ни за что, безо всякихъ разумныхъ основаній, — просто потому, что султанъ былъ пьянъ до послѣдней степени, когда отдалъ свой кровавый приказъ ⁴⁾. Визан-

¹⁾ D. 39 p. 292; 40 p. 298, 299. διελάλησε τὴν μισαρὰν αὐτοῦ προσευχῆν.

²⁾ Особенно высокую цѣнность получаетъ въ данномъ случаѣ каждое свидѣтельство Дуки, даже каждое его умолчаніе. Сторонникъ уніи, онъ ни мало не скрываетъ своихъ «западническихъ» симпатій; въ сценахъ взятія Константинополя онъ видитъ жестокій урокъ прежде всего тѣмъ, которые вопіяли, «лучше впасть въ руки турокъ, чѣмъ франковъ». D. 39 p. 290. Такой взглядъ повидимому всецѣло отдавалъ его во власть тенденцій Исидора и Леонарда, и однакоже самые ярлы проблески фанатизма завоевателей подмѣнены не Дукою (ср. пр. на 141 стр.). Конечно, это не даетъ права предполагать, что рассказы латинскихъ прелатовъ не имѣютъ вовсе исторической основы, но позволяетъ думать, что фактическія данныя здѣсь сильно преувеличены или же въ этомъ повѣствованіи обобщены такіе случаи, которые стояли слишкомъ одиноко, въ самомъ Константинополѣ не получили общей извѣстности и не занесены современниками константинопольцами въ ихъ хроники.

³⁾ Pa 2.

⁴⁾ La. 392. ἐν οὐδενί λόγῳ ἀπέλωστο. D. p. 303. καταβαπτισθεὶς ὑπὸ τοῦ οἴνου: καὶ μεθυσθεὶς. Livd. rex temulentior forte factus.

гійскіе греки давно уже были знакомы съ османскими турками, имѣли и основаніе и возможность изучать ихъ. И замѣчательно, преобладающею чертою турецкаго характера они выставляютъ не фанатическую ревность объ исламѣ, а необыкновенное корыстолюбіе. Ихъ жадность къ деньгамъ была такъ велика, что заставляла ихъ забывать даже о священной въ глазахъ полудикаго кочевника родовой мести: за хорошій выкупъ турокъ выпустить изъ рукъ живымъ даже убійцу своего отца ¹⁾. Эта далеко неидеальная черта болѣе, чѣмъ иные идеальныя мотивы, руководила турками и при разгромѣ Константинополя. Здѣсь побѣдители выдержали свой характеръ такъ вѣрно, что наблюдательному греку ихъ безкорыстныя злодѣйства казались почти загадкою. Таковы были ихъ первые шаги въ Константинополѣ. Ворвавшись въ городъ, турки убивали всякаго, кого ни встрѣчали на пространствахъ отъ харисовыхъ воротъ до дворца. Во время этого движенія ихъ отъ ихъ руки пало до 2,000 способныхъ къ оружію. Послѣ любознательный Дука спросилъ у турокъ, чѣмъ объяснить такую непрактичность ихъ поведенія. Оказалось, что они сдѣлали это со страху ²⁾: имъ все думалось, что они имѣютъ дѣло по меньшей мѣрѣ съ 50,000-ю арміею, и потому они спѣшили ослабить непріятели. Но когда обнаружилась его дѣйствительная численность, то сами же турки раскаялись въ столь нерасчетливой военной предосторожности. „Ахъ, если бы мы знали,— говорили они нашему историку: — что у васъ такъ мало людей! Да мы и убивать бы не стали, а всѣхъ бы, какъ овцъ, продали“ ³⁾.

Во время разграбленія столицы была изрублена янычарами одна изъ величайшихъ святынь ея,—икона Богіей Матери Одигитрія ⁴⁾. Сказалось ли здѣсь извѣстное отвращеніе мусульманъ къ иконамъ?

---

¹⁾ D. 39. p. 287.

²⁾ φοβοῦμενοι... καὶ γὰρ οἱ τοῦρκοι ἐδεδοίκεσαν.

³⁾ Ibid. p. 287.

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій, Исторія русской ц. I, 2. Москва, 1881, стр. 359
прям

По крайней мѣрѣ нашъ историкъ ничего не говоритъ объ этомъ. Ограбивъ монастырь, турки спѣшили поскорѣе подѣлить добычу: торопились въ другой конецъ города, еще не ограбленный. На иконѣ была драгоценная риза, которою они единственно и дорожили. Одинъ изъ этихъ ренегатовъ разрубилъ ее топоромъ, вмѣстѣ съ образомъ, на четыре части, которыя они раздѣлили по жерсбю и убѣжали ¹⁾. Совершенно такого же характера было и обращеніе турокъ съ священными книгами: имъ нужна была только ихъ драгоценная обложка; ободравъ ее, самыя книги они или продавали, если находили покупателя, или бросали ²⁾.

Конечно, и послѣ этихъ ограниченій остается, какъ *caritatum*, осадокъ, необъяснимый ни корыстолюбіемъ, ни простою случайностью. Но изъ суммы турецкихъ дѣяній слѣдуетъ что-нибудь отнести и на счетъ той животной жестокости, которая не нуждается въ причинахъ и не руководится сознательными цѣлями (кажется, мы вправѣ предполагать и такія побужденія въ предкахъ башибузуковъ), и передъ самымъ фанатическимъ обликомъ факта нельзя забывать, что мы имѣемъ дѣло съ темнымъ вопросомъ, были ли намѣренные поруганія надъ христіанскою святынею въ глазахъ турокъ цѣлю или только средствомъ, — съ вопросомъ о той психической границѣ, гдѣ кончается дикарь, обезумѣвшій отъ вина и крови, который видитъ въ этомъ кощунствѣ надъ предметами, въ своемъ существѣ для него безразличными, одно изъ утонченныхъ средствъ — терзать своего побѣжденнаго врага, и гдѣ начинается пламенный ревнитель ислама, который попираетъ своими ногами эту вражескую святыню, какъ предметъ дѣйствительно ему ненавистный, и самого непріятели ненавидитъ именно за то, по крайней мѣрѣ — преимущественно за то, что онъ поклоняется этому кресту, этимъ иконамъ. Допустимъ, и такіе чистокровные фанатики были въ ордѣ Мухаммеда II, въ нижнихъ слояхъ ея; но это были десятки или

---

¹⁾ D. 39 p. 288. cf. p. 292.

²⁾ D. p. 312 (см. пр. на стр. 141).

сотни между тысячами, и они не могли наложить своего колорита на весь фактъ завоеванія Византіи. — Обращеніе арміи Наполеона I въ 1812 г. съ московскою святынею въ нѣкоторыхъ пунктахъ лишь крайне слабо разнится отъ такихъ дѣяній сподвижниковъ Мухаммеда II, въ которыхъ многіе видятъ несомнѣнное доказательство ихъ фанатизма. Однако кто же рѣшится, опираясь на подоборъ подобныхъ фактовъ, поддерживать рискованный тезисъ, что религіозный фанатизмъ былъ главною силою, управлявшею поведеніемъ „великой арміи“ въ русской столицѣ?

Словомъ, въ виду того, что паденіе Византіи вызывалось причинами вполне политическими; что взятіе Константинополя, со всѣми его бѣдствіями, все-таки было въ духъ того вѣка; что турки при этомъ заявили себя несравненно яснѣе какъ грабители, чѣмъ какъ ревнители своей вѣры, — нужно думать, что печальныя подробности турецкаго разгрома не представляютъ особенно цѣннаго для церковной исторіи матеріала: ихъ разработка объясняетъ очень немногое. Не выходя изъ своихъ научныхъ границъ, церковная исторія едва-ли можетъ сказать объ этомъ фактѣ что-нибудь больше простаго заявленія, что 29 мая 1453 г. Константинополь былъ взятъ и разграбленъ турками, византійская имперія пала, и тѣмъ положено было начало новымъ отношеніямъ между православною константинопольскою церковію и иновѣрною государственною властію.

II.

Коравъ и христіанство. Предполагаемая постепенность въ переходѣ Мухаммеда отъ вѣрогеримости къ религіозной исключительности. Принципіальное противорѣчіе ислама въ его отношеніи къ христіанству. Сура 5-я и др. Вѣроятный смыслъ отъзвонъ Мухаммеда о христіанствѣ. Правовое положеніе христіанъ въ отношеніи къ мусульманамъ. Невѣрные и многобожники.

Новая гражданская власть, въ борьбѣ или согласіи съ которою должна была устроить свои дѣла константинопольская церковь, была власть мусульманская. Церковному догмату, каноническому

праву, административному строю, обрядовой практикѣ и дисциплинѣ теперь на сторонѣ мусульманъ противостоялъ рядъ узаконеній, въ ихъ глазахъ столь же священныхъ, и выработанная исторіею авторитетная практика. Фанатичная или толерантная, турецкая власть не могла не принимать этихъ правилъ своего вѣроисповѣданія по крайней мѣрѣ къ свѣденію, если не всегда къ исполненію въ своихъ сношеніяхъ съ греческою церковію. Поэтому въ такъ называемомъ „шеріатѣ“ нельзя не видѣть постоянного фактора, вліявшаго на отношенія турецкой власти къ восточной церкви.

Подъ „шеріатомъ“, „прямымъ путемъ“, разумѣется законодательство корана и суннета ¹⁾, мусульманскаго писанія и преданія.

Аль-коранъ, извѣстное твореніе Мухаммеда, священная книга всѣхъ мусульманъ, съ давнихъ поръ доступенъ ученому міру, и тѣмъ не менѣе вопросъ объ отношеніи ислама къ христіанству, по ученію Мухаммеда, еще не всеміи рѣшается одинаково. Безпристрастные ученые признають фактъ, что данныя аль-корана въ этомъ пунктѣ несогласны между собою, но различнымъ образомъ объясняютъ это противорѣчіе.

Сами мусульманскіе экзегеты насчитываютъ въ своей священной книгѣ 225 противорѣчій. Источникъ ихъ ученые видятъ въ томъ, что вынуждаемый приспособляться къ обстоятельствамъ, Мухаммедъ 225 разъ мѣнялъ свои воззрѣнія, исправлялъ свои ошибки. Не признанный своими соплеменниками, пророкъ долженъ былъ искать себѣ точки опоры въ іудейско-христіанскихъ сѣткахъ арабскаго полуострова. Его ученики дважды (въ 614 и 619 г.), по его совѣту, спасались отъ преслѣдованій въ Абиссинію подъ покровительство христіанскаго неджаши (нэгуса). Это по неволѣ заставляло Мухаммеда быть умѣреннымъ въ отношеніи къ христіанству. Но по мѣрѣ того, какъ его отношеніе къ арабамъ улучшалось, когда онъ (послѣ бедрской побѣды 624 г.) почувствовалъ подъ собою твердую почву, онъ началъ все съ большею нетерпи-

---

¹⁾ Г. 1.

мостью относиться къ христіанамъ и ковчиль провозглашеніемъ ислама единою всемірною религіею ¹⁾). Другіе, соглашаясь, что именно таковы были обстоятельства Мухаммеда, думаютъ однако же, что въ началѣ своей дѣятельности онъ заявлялъ себя толерантнымъ не изъ приспособленія къ нимъ, а просто потому, что тогда его умственный взоръ не заходилъ за предѣлы Аравіи, и лишь послѣ 629 г. онъ пришелъ къ мысли объявить свое ученіе единою всемірною религіею, исключаяющею и христіанство и іудейство ²⁾). Иные напротивъ утверждаютъ, что въ самой догмѣ ислама, а не въ случайностяхъ жизни Мухаммеда, лежитъ источникъ этого разногласія въ его отношеніи къ христіанству. Въ принципѣ исламъ не можетъ имѣть ничего противъ христіанства, которое онъ признаетъ за религію богооткровенную; онъ долженъ быть необходимо толерантенъ. Но для проведенія начала вѣротерпимости на практикѣ встрѣчается безвыходное затрудненіе — въ непреодолимомъ подозрѣніи мусульманъ, что христіанство есть политеизмъ, и въ ихъ ненависти къ этому послѣднему ³⁾).

Перыя два объясненія не совсѣмъ гармонируютъ съ данными аль-корана. Не въ различныхъ сурахъ высказываются эти противорѣчивые взгляды на христіанство, а нерѣдко въ одной и той же. Сверхъ того, тѣ суры (главы аль-корана), которыя должны характеризовать два періода дѣятельности Мухаммеда, по своему происхожденію всѣ принадлежатъ позднему послѣднимъ годамъ пророка, такъ что, если хронологическія изслѣдованія о коранѣ

---

¹⁾ Проф. Петровъ, Очерки изъ всеобщей исторіи. Харьковъ, 1868. Мухаммедъ. Стр. 201, 139, 172, 179, 187, 191, 196, 203, 206 Очеркъ составленъ на основаніи капитальныхъ изслѣдованій Weil'a, Sprenger'a и Caussin de Perceval'a.

²⁾ Kirz, Handbuch. d. Kirchengesch. Mitau, 1858, I, 2. § 318 S. 147 ff Какъ на образецъ вѣротерпимости перваго періода авторъ указываетъ на 77 стихъ 5-й суры — Гизелеръ (Kirchengesch. Bonn, 1845. I, 2. § 127 S. 469 просто заявляетъ, что сначала (суры 2 и 5) Мухаммедъ былъ толерантенъ а потомъ (суры 9 и 67) провозгласилъ войну противъ неверныхъ.

³⁾ Baur, Die christl. Kirche des Mittelalters. Tübingen, 1861. S. 20. 21

стоять не на ложной дорогѣ ¹⁾, то слѣдуетъ допустить, что до послѣднихъ годовъ своей жизни Мухаммедъ не составилъ себѣ яснаго представленія о христіанствѣ и о томъ положеніи, въ какое должны стать къ нему мусульмане. Не въ историческихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ не въ нихъ однихъ, лежитъ корень этого внутренняго противорѣчія аль-корана, а въ самомъ умственномъ складѣ Мухаммеда, въ неясности его пониманія или въ непослѣдовательности его изложенія, которое такъ характеризуетъ недисциплинированную мысль „безвѣрнаго пророка“, которое, при всей напыщенной многорѣчивости, при безчисленныхъ повтореніяхъ, не дѣлается яснымъ, а становится для читателя лишь „истинною пробой терпѣнія“ ²⁾.

Чтобы показать, съ какимъ неустойчивымъ матеріаломъ приходится имѣть дѣло при интересующемъ насъ вопросѣ, приводимъ ³⁾ съ вѣкоторою полнотою содержаніе одной изъ важнѣйшихъ суръ, пятой (той самой, въ которой одни видятъ толерантный взглядъ первыхъ годовъ Мухаммеда, дру-

---

¹⁾ T. Nöldeke, Geschichte des Qorans. Göttingen, 1830. S. 56. Въ 114 суръ корана Нёльдеке дѣлитъ на мекканскія и мединскія. Первые онъ подраздѣляетъ на три періода, но не считаетъ возможнымъ точно обозначить ихъ хронологическія границы. Такимъ образомъ получаются четыре группы суръ: мекканская первая (48 суръ), вторая (21) и третья (также 21) и мединская (24). Въ каждой группѣ суры расположены хронологически. Вотъ въ какомъ порядкѣ у Нёльдеке встрѣчаются суры важныя для насъ:

46-я (Аххафъ)	19-я въ мекканской третьей
6-я (Скотъ)	20-я „ „ „
2-я (Корова)	1-я мединская.
98-я (Очевидность) . .	2-я „
8-я (Добыча)	5-я „
3-я (Семейство Ибраана)	7-я „
4-я (Жены)	10-я „
66-я (Запрещеніе) . .	19-я „
9-я (Покаяніе, Льгота).	23-я „
5-я (Трапеза)	24-я (послѣдняя).

Кромѣ цифръ, суры обозначаются еще какими-нибудь характернымъ словомъ, встрѣчающимся въ нихъ.

²⁾ Kurtz, S. 555, § 321, 7.

³⁾ По переводу съ арабскаго Г. С. Саблукова (Коранъ, законодательная книга мохаммеданскаго вѣрученія, Казань, 1878)

гіе—самую позднюю суру корана). Въ скобкахъ ставимъ дополненія изъ другихъ суръ и свои короткія замѣтки.

5, ст. 7. «Разрѣшается вамъ бракъ съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями вѣрующихъ и съ воспитанными подъ строгой охраной дочерьми тѣхъ, которымъ прежде васъ дано писаніе» [съ дочерьми такъ называемыхъ «китабинъ», т. е. христіанъ и евреевъ. И такъ іудеи и христіане не только терпимы, но въ извѣстномъ отношеніи даже уравниваются съ мусульманами. По крайней мѣрѣ браки мусульманъ съ многобожницами строго запрещены 2, 220].

19. «Невѣрны [=гяуры?] тѣ, которые говорятъ: дѣйствительно Богъ— это Мессія, сынъ Маріи» [Обычный взглядъ Мухаммеда, еще подробнѣе развитый имъ въ сурѣ 4, ст. 169 и сл. «Читающіе писаніе! не допускайте излишества въ вашу вѣру; говорите о Богѣ только истину. Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, только посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное Имъ въ Марію, есть духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланниковъ Его, и не говорите: троица. Удержитесь ко благу вашему. Богъ только есть единый, кому подобаешь поклоненіе. Воздайте хвалу Ему: не можетъ быть, чтобы у Него были дѣти»].

51. «Вѣрующіе во Евангеліе должны судить по тому, что въ немъ ниспослалъ Богъ: тѣ, которые не судятъ по тому, что ниспослалъ Богъ, тѣ печестивы». [Не должны ли мы заключить, что истинные послѣдователи Евангелія могутъ надѣяться на терпимость среди мусульманъ, а можетъ быть и на извѣстную мѣру вѣчнаго блаженства].

56. «Вѣрующіе! въ друзья себѣ не берите ни іудеевъ, ни назарянъ; они друзья одинъ другому; а кто изъ васъ подружится съ ними, тотъ, истинно, будетъ въ числѣ ихъ. Богъ не руководитель людямъ законопреступнымъ» [Рѣшительный поворотъ въ другую сторону! Сравните ст. 7. То браки съ дочерьми «китабинъ», то запрещеніе дружбы съ ними. Впрочемъ въ ст. 62 этой же (5) суры читаемъ: «Вѣрующіе! не берите себѣ въ друзья тѣхъ, которые издѣваются надъ вашимъ вѣроустановомъ, — ни тѣхъ, которымъ прежде васъ дано было писаніе, ни невѣрныхъ». Не имѣетъ ли Мухаммедъ въ виду только «китабинъ» — насмѣшниковъ надъ исламомъ?].

59 [Описывается истинный муслимъ, «добросердечный къ вѣрующимъ и суровый къ невѣрнымъ». Своего рода «*vae infidelibus!*»].

72. «Скажи: читающіе писаніе! вамъ не на что опереться, если не будете соблюдать закона, Евангелія, того, что вамъ было ниспослано отъ Господа вашего». [Опять законъ и Евангеліе—якорь спасенія для «китабинъ!» Ср. ст. 51].

73. «Истинно, вѣрующимъ, іудействующимъ, сабсамъ, назарянамъ, — тѣмъ, которые вѣрують въ Бога и въ послѣдній судъ и дѣлають добро, не будетъ ни страха ни печали». [Читая подобныя строки можно подумать, что мысль о нетерпимости ислама — просто клевета на Мухаммеда. Возможно ли идти далѣе въ признаніи за іудеями и христіанами правъ на существованіе на ряду съ мусульманами? Возможна ли болѣе широкая вѣротерпимость къ «получившимъ писаніе»? Эти же слова буквально читаются въ сурѣ 2 ст. 59, съ тѣмъ лишь различіемъ въ концѣ: «имъ награда у Господа ихъ; имъ не будетъ страха, и они не останутся въ печали». Ср. 3, 109 — 111. 198. 199, гдѣ «изъ читающихъ писаніе людямъ стойкимъ», добродѣтельнымъ, обѣщается награда отъ Бога. Оцѣнить подобныя выраженія можно по сравненіи ихъ съ тѣмъ, что Мухаммедъ говоритъ о самихъ мусульманахъ. 46, 12. «Истинно, тѣмъ, которые говорятъ: «нашъ Господь есть Аллагъ» и поступаютъ справедливо, не будетъ ни страха, ни печали. 13. Они будутъ обитателями рая, оставаясь въ немъ вѣчно». Судя по этой аналогіи Мухаммедъ обѣщаетъ «китабинъ» не земное только благополучіе, но извѣстную степень вѣчнаго блаженства. Ср. 5, 51. 72].

76. «Невѣрны тѣ, которые говорятъ, что Мессія, сынъ Маріи, есть Богъ. Мессія говорилъ: сыны израиля! поклоняйтесь Богу, Господу моему и Господу вашему! Кто придумываетъ соучастниковъ Богу, того Богъ лишитъ рая, тому жилищемъ будетъ огонь: для беззаконниковъ не будетъ защитниковъ».

77. «Невѣрны тѣ, которые говорятъ, что Богъ есть третій въ трехъ (то же, что по русски: Богъ есть Самъ третей); тогда какъ вѣтъ никакого бога кромѣ единого Бога» [Итакъ для «безкнижнаго пророка» отъ рая до ада—только шагъ! И это суровое сужденіе—то же не обмолвка: оно повторяется не одинъ разъ. Въ той же сурѣ 2-й, которая выше дала намъ такую блестящую параллель 5-й, мы читаемъ: ст. 90 «Каждый изъ нихъ (по контексту, по крайней мѣрѣ—іудеевъ, но вѣроятно—вообще «китабинъ»), какъ и каждый изъ многобожниковъ, желалъ бы жить по тысячѣ лѣтъ; но не отдалить его отъ муки и продолжительная жизнь». Приговоръ въ сурѣ 98, 5 коротокъ и ясенъ. «Невѣрующіе изъ зпающихъ писаніе и изъ многобожниковъ будутъ въ огнѣ геенны, оставаясь въ немъ вѣчно. Они—самыя худыя изъ тварей»].

85. «Знаешь, что изъ всѣхъ людей самыя жестокіе ненавистники вѣрующихъ іудей и многобожники; и также знаешь, что болѣе всѣхъ любятъ вѣрующихъ тѣ, которые называютъ себя назарянами: это оттого, что у нихъ есть пресвитеры и подвижники благочестія, и оттого, что они не

горди» [Ср. ст. 7 и 72, гдѣ христіане и іудеи въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ не различаются между собою, и ст. 56, гдѣ они отождествляются по своей враждѣ къ исламу].

86. «Когда они слушаютъ ниспосланное свыше пророку, тогда видишь, какъ изъ очей ихъ льются слезы, потому что они узнаютъ истину. Она говоритъ; Господи! мы вѣруемъ; вступи насъ въ числѣ сихъ исповѣдниковъ».

88. «За эти слова Богъ наградитъ ихъ садами райскими. въ нихъ они будутъ жить вѣчно» [И эти вѣроотступническія симпатіи къ исламу—*conditio sine qua non* участія «назарянъ» въ райскомъ блаженствѣ и дружеской вѣротерпимости къ нимъ мусульманъ? Притомъ же какъ далеко заходятъ эти симпатіи? Можетъ ли ограничиться дѣло этими воздыханіями, или «назаряне» должны завершить этотъ нравственный починъ достойнымъ окончаніемъ—полнымъ ренегатствомъ, прямымъ совращеніемъ въ исламу?].

108. «Нѣкогда Богъ соберетъ посланниковъ Своихъ»...

116. «Вотъ Богъ скажетъ: Іисусъ, сынъ Маріи! говорилъ ли ты людямъ: кромѣ Бога, почитайте меня и мою мать двумя богами. Онъ скажетъ: хвала Тебѣ! какъ мнѣ говорить такое, что я не долженъ говорить?»...

117. «Я говорилъ имъ только то, что повелѣлъ Ты мнѣ: «поклоняйтесь Богу, Господу моему и Господу вашему» [Ср. параллельное мѣсто въ сурѣ 6, ст. 19. «Не вы ли исповѣдуете, что вмѣстѣ съ Богомъ есть еще другіе боги?»...]

22. «Нѣкогда Мы соберемъ всѣхъ ихъ (ст. 20, «которымъ Мы дали писаніе»), тогда скажемъ тѣмъ, которые признаютъ соучастниковъ Богу: гдѣ тѣ соучастники, какихъ выдумали вы?».

23. «У нихъ тогда (27, «когда они будутъ поставлены предъ огнемъ») будетъ только одна попытка сказать: клянемся Богомъ, Господомъ нашимъ! мы не были многобожниками».

24. «Посмотри, какъ будутъ они лгать о самихъ себѣ, и откажутся отъ тѣхъ, кого вымыслили они»].

Вотъ сколько неожиданныхъ колебаній между противоположными полюсами мы испытали, прослѣдивъ содержаніе лишь одной сурѣ! Дополнимъ эти противорѣчивыя вѣщанія Мухаммеда нѣсколькими стихами изъ другихъ суръ, проливающими нѣкоторый свѣтъ на его воззрѣніе на христіанство.

С. 9 ст. 30. «Іудея говоритъ: Езра—сынъ Божій. Назаряне говорятъ: Мессія—сынъ Божій. Это ихъ слова въ устахъ ихъ. Говоря это, они

уподобляютъ себя невѣрнымъ, бывшимъ прежде. Да поразить ихъ Богъ! какъ легкомысленны они!».

31. «Опречь Бога, они своихъ ученыхъ и своихъ подвижниковъ принимаютъ за Господовъ, и Мессію, сына Маріа. Имъ было заповѣдано поклоняться только единому Всу: кромѣ Его нѣтъ никого достойно боготвораемаго. Воздайте хвалу Ему, устраняя тѣхъ, кого признаютъ они соучастниками Ему».

32. «Они своими устами хотятъ погасить свѣтъ Божій: а Богъ хочетъ только того, чтобы открыть свѣтъ свой вопреки противоборству невѣрныхъ».

33. «Онъ послалъ посланника Своего съ руководствомъ и истиннымъ вѣроуставомъ, чтобы вознести его надъ всѣми вѣроуставами вопреки противоборству многобожниковъ».

С. 2 ст. 81. «Мы уже дали Моисею писаніе; во слѣдъ за нимъ повелѣли идти другимъ посланникамъ, потомъ Иисусу, сыну Маріи».

83. «Когда приходитъ къ нимъ [«китабинъ»] отъ Бога писаніе, подтверждающее то, которое у нихъ есть,—прежде просили они себѣ побѣды надъ тѣми, которые были невѣрными,—когда приходитъ къ нимъ такое, что они знали: они не вѣрують тому. Божіе проклятіе на невѣрныхъ!».

84. .... «Невѣрнымъ будетъ унизительное наказаніе!».

85. «Когда говорятъ имъ: вѣруйте въ то, что ниспосылаетъ Богъ; то они говорятъ: «мы вѣруемъ въ то, что было ниспослано намъ!».

129. «Они говорятъ: «будьте іудеями!» или: «будьте назарянами, чтобы вамъ идти по прямому пути!» Скажи: нѣтъ, мы по религіи Авраама, бывшаго въ истинной вѣрѣ: онъ не былъ въ числѣ многобожниковъ».

Противорѣчіе этихъ положеній корана, если понимать ихъ въ буквальный смыслъ, таково, что видимо исключаетъ возможность ихъ обобщенія. И если нужно предполагать, что для Мухаммеда всѣ эти изреченія разрѣшались въ известное единство, то слѣдуетъ за ихъ буквою искать ихъ задняго смысла, или — что тоже въ данномъ случаѣ — понять часть этихъ положеній въ ихъ буквальный смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, сличите, какими чертами Мухаммедъ опредѣляетъ „назарявъ“ тамъ, гдѣ онъ рисуетъ передъ ними райскія перспективы, и какими — тамъ, гдѣ онъ посылаетъ ихъ во глубины преисподней, оцѣните серьезно то различіе, что въ одномъ случаѣ онъ вращается въ

кругѣ самыхъ общихъ, элементарныхъ теистическихъ положеній, а въ другомъ—касается по своему высочайшаго пункта христіанской догматики,—и тогда откроется то *quaternio terminorum*, которымъ страдаетъ эта часть аль-корана, то противорѣчіе въ самой догмѣ ислама, которое отмѣчено въ одномъ изъ приведенныхъ выше объясненій (Баура).

Мухаммедъ никогда не отрицалъ, что его Богъ и Богъ іудеевъ и христіанъ—одинъ и тотъ же. Въ Моисей и Христѣ онъ признавалъ божественныхъ посланниковъ, въ законѣ и пророкахъ, въ Евангелии, какъ чистое ученіе Іисуса, онъ видѣлъ истинное открытіе единого Бога, спасительное для людей. Но онъ составилъ себѣ какое-то призрачное представленіе о христіанствѣ и іудействѣ, и въбюдее слишкомъ мало общаго съ дѣйствительностью. Ему предносился образъ какихъ-то христіанъ и іудеевъ, отъявленныхъ латентунизарствовъ,—типъ истинныхъ послѣдователей Іисуса и Моисея, догматики которыхъ такъ неопредѣленна и безцвѣтна, что допускаетъ возможность легкой ассимиляціи съ исламомъ: они вѣруютъ во единого Бога, послѣдній судъ, творятъ добрыя дѣла—и только. О вѣрѣ въ Троицу нѣтъ и рѣчи. Эти „назаряне“ проливаютъ слезы умиленія, слушая вѣщанія „безкнижнаго пророка“, и ихъ сердца начинаютъ пламенѣть любовью къ исламу. О, конечно этимъ людямъ „будетъ награда отъ Господа; не будетъ имъ ни страха ни печали, и будутъ они жить въ райскихъ садахъ вѣчно“.

Но помимо этихъ „китабинъ“, есть еще другіе іудеи и „назаряне“, „кяфиры“ (глуры) между „китабинъ“, „пѣвѣрные изъ знающихъ писаніе“. Это—„самыя худыя изъ тварей“. Эти іудеи Ездру считаютъ сыномъ Божиимъ; эти „назаряне“ говорятъ, что Богъ есть „Самъ-третій“—Троица; что Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть Самъ Богъ, Сынъ Божій; они своихъ святыхъ принимаютъ за Господовъ. Эти люди не только не вздыхаютъ отъ умиленія, слушая рѣчи пророка, но даже предлагаютъ мусульманамъ для достиженія вѣчнаго спасенія принять іудейство или христіанство,—и ихъ, мусульманъ, которые держатся вѣры Авраама который ни-

когда не былъ многобожникомъ!—И на этомъ пунктѣ Мухаммедъ не думалъ отречься ни отъ закона, ни отъ Евангелія: онъ воображалъ только, что знаетъ самымъ совершеннымъ образомъ ихъ истинное содержаніе, и хотѣлъ быть самымъ компетентнымъ истолкователемъ іудейской и христіанской догматики и, съ видомъ авторитета, пускался различать между чистымъ ученіемъ Моисея и Іисуса и позднѣйшими наслоеніями. Мухаммедъ былъ непреклонно убѣжденъ, что ученія о Троицѣ нѣтъ въ Евангеліи Іисуса Христа, Который на послѣднемъ судѣ отречется отъ этого мудрованія Своихъ ложныхъ послѣдователей; да и сами они, увидѣвъ, что у единого Аллага дѣйствительно нѣтъ соучастниковъ, клятвенно откажутся отъ этого ученія *implicite*, когда скажутъ: „мы не были многобожниками“. Но это ложь и ложь! Это — только бесполезная уловка! Мухаммедъ носилъ упрямую увѣренность, что догматъ о Троицѣ есть плохо замаскированное многобожіе, принципиально противоположное монизму ислама, что христіане въ сущности такіе же политеисты, какъ и язычники,—такъ же, какъ и они,—темная сила, противоборствующая распространенію свѣта ислама, совершеннѣйшаго монотеистическаго откровенія. Во всякомъ случаѣ, думалъ онъ, историческая миссія іудейства и христіанства кончена: цѣль этихъ религій—относительное торжество надъ грубымъ невѣріемъ язычниковъ ¹⁾, и она достигнута. Мухаммедъ хотѣлъ бы, чтобы онѣ мирно исчезли со всемірнаго небосклона въ лучахъ восходящаго ислама. Поэтому онъ очень неблагоприятно смотрѣлъ на христіанъ и іудеевъ, когда тѣ, отстаивая свою религіозную самобытность, начинали бить аравійскаго пророка его же собственнымъ оружіемъ и на обращенную къ нимъ проповѣдь уклончиво отвѣчали: „мы вѣруемъ въ то, что было ниспослано намъ“. Мухаммедъ, питавшій убѣжденіе, что онъ есть посланникъ Божій, предсказанный—и даже весьма ясно—Моисеемъ и Іисусомъ ²⁾, видѣлъ

¹⁾ С. 2, 83 (см. выше стр. 158).

²⁾ Kurtz. S. 553, § 320, 2. Мухаммедъ относилъ къ своему лицу предсказаніе Моисея о пророкѣ подобномъ ему (Втор. XVIII, 15) и обитванію Спасителя объ угѣ-

въ этомъ упрямствѣ „китабинъ“ уже невѣріе въ ихъ собственное писаніе. „Божіе проклятiе на невѣрныхъ!“ раздражался онъ. „Ихъ будетъ унизытельное наказаніе!“ Геенна ждетъ ихъ вмѣстѣ съ другими многобожниками: „она будетъ ихъ жилищемъ на вѣки“. „О, какъ томительно это пристанище!“¹⁾—Такимъ образомъ Мухаммедъ былъ вѣротерпимъ не къ дѣйствительной, исторической христіанской церкви и не къ наличнымъ іудеямъ; его симпатіи влекли его къ созданному имъ призраку какой-то *ecclesiola in ecclesia*, къ какому-то широко либеральнымъ іудеямъ. Но дѣйствительность безъ пощадъ разбивала эту иллюзію: у іудеевъ онъ встрѣчалъ совсѣмъ не излюбленную имъ „вѣру авраамову“, у христіанъ—вѣру въ единаго, но и троичнаго Бога, догматъ о воплощеніи Бога Слова во Іисусѣ Христѣ. Эти іудеи и эти „назаряне“ вызывали только громы его гнѣва своею догматическою неподатливостью, своею религіозною исключительностью, и казались ему многобожниками. А о толерантности Мухаммеда къ этимъ послѣднимъ, кажется, никто не распространялся.

Приведенныя мѣста аль-корана выясняютъ отношеніе ислама и христіанства, какъ религіи и религіи, какъ двухъ догматическихъ системъ, но бѣдны практическими указааніями на гражданское положеніе христіанъ между мусульманами. Допустимъ, что христіанамъ (даже такимъ, каковы они въ дѣйствительности) не будетъ ни страха ни печали; но вопросъ о томъ, не должны ли мусульмане предоставить имъ и гражданскую равноправность, остается

интеръ (*παράκλητος*, Іоан. XV, 26; XVI, 7). По конъектурѣ Валя (Wahl), это имя, «параклетъ», перешедшее въ арабскій текстъ, Мухаммедъ могъ, при отсутствіи гласныхъ (ирклатъ), читать какъ *періхлѣтос*—славный—по-арабски Ахмедъ, тоже имя, что и Мухаммедъ (Сура 61). Позднѣйшіе мусульманскіе богословы видѣли указаніе на троѣственное откровеніе и следовательно пророчество объ исламѣ въ Матѣ XX, ср. Лук. XX, 10—12 (троѣственное призваніе работниковъ въ виноградникъ) и Второз. XXXIII, 2: Господь пришелъ отъ Синая [законъ Моисея], явился отъ Сина [около Іерусалима. Евангеліе], возсиялъ отъ горы Фарава [въ Аравіи, исламъ].

¹⁾ С. 66, 9.

открытымъ, по крайней мѣрѣ онъ не разрѣшенъ категорически. Или, наоборотъ, пусть „назаряне“ — самыя худыя изъ тварей, которымъ мѣсто въ гееннѣ. Но адъ — въ волѣ Аллага; а что должны дѣлать сами мусульмане? Не имѣютъ ли они права или обязанности избить христіанъ поголовно? Можетъ ли христіанинъ рассчитывать на легальное, хотя бы самое скромное положеніе въ мусульманскомъ государствѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ того, подъ какую категорию подводятся христіане въ аль-коранѣ. Евреи и христіане имѣютъ ту общую съ мусульманами черту, что они вѣруютъ въ писанное божественное откровеніе: они получили, они знаютъ писаніе, они — „эхль-уль-китабъ“, „китаби“ (ehhl-ul-kitab, kitaby). Сами мухаммедане называютъ себя вѣрными, „мумининъ“ (muminnin), вѣрующими, т. е. положившимися на Бога, „мусульманами“ (единств. ч. „муслимъ“, двойств. „мусульманъ“, множ. „муслиминъ“, muslim, musulman, musliminn), монотеистами, „маваххидинъ“ (mawahhidinn). Имъ, какъ вѣрнымъ, вѣрующимъ, противопоставляются невѣрные, невѣрующіе (ед. ч. „кяфиръ“, keafir, мн. „куффаръ, кяфере“, kuffar, kefere; отсюда извѣстное слово, „гяуръ“), какъ монотеистамъ — политеисты, многобожники, „мушрикинъ“ (muschrikinn) ¹⁾. Терминологія аль-корана, разумѣется, настолько невыдержанна и шатка, что ею не исключается возможность перенести на христіанъ и то, что относится собственно къ „невѣрнымъ“ или даже къ „многобожникамъ“ ²⁾. Начнемъ съ пред-

---

¹⁾ D'Ohsson, Tableau de l'empire ottoman, Paris, 1788 t. I, p. 35 sq.

²⁾ Есть мѣста, гдѣ «знающіе писаніе» противопоставляются «невѣрнымъ», логически координируются съ ними. 5, 62; 9, 29. 30. Въ другихъ мѣстахъ къ «знающимъ писаніе» эпитетъ «вѣрный» не прилагается ясно (2, 59; 3, 183); но очень часто говорятъ и о «невѣрныхъ изъ имѣющихъ писаніе» (9, 30. 32; 98, 5; 2, 83. 84. 85. 99). «Знающіе писаніе» иногда просто противопоставляются «многобожникамъ» (2, 99. 90; 5, 85; 98, 5, 1; 3, 183), иногда вмѣстѣ съ ними подводятся подъ разрядъ «невѣрныхъ» (98, 5. 1), а иногда сами рассматриваются какъ «многобожники» (9, 32. 33; 6, 23; 2, 129). Большая часть указанныхъ стиховъ у насъ приводятся или выше или ниже.

писаній Мухаммеда относительно „невѣрныхъ“. Въ аль-коранѣ есть мѣста, которыя дышатъ повидемому непримиримою злобою противъ „кяфировъ“ и не общаются имъ ничего, кромѣ войны съ мусульманами на жизнь и на смерть.

С. 9, 74. «Пророкъ! ревностно воюй съ невѣрными, съ лицемѣрами, и будь жестокъ къ нимъ: ихъ жилище — геенна. Какъ мучительно это пристанище!» [То же съ буквальною точностію повторяется въ 66, 9]. 124. «Вѣрующіе! воюйте съ тѣми изъ невѣрныхъ, которые близки къ вамъ: знали бы они въ васъ вашу жестокость. Знайте, что Богъ съ богобоязливыми».

Но изъ другихъ мѣстъ корана видно, что возможность компромисса съ невѣрными не только не исключается, но даже прямо предполагается; напр. въ 4, 91. 92 невѣрные (въ 9, 1. 7 даже многобожники) состоятъ въ союзѣ съ мусульманами или съ народомъ союзнымъ съ послѣдними, и Мухаммедъ предписываетъ щадить ихъ. Даже тамъ, гдѣ предписывается война противъ невѣрныхъ (и многобожниковъ), ей придается условный характеръ: оказывается, что невѣрные то начинаютъ ее сами первые (9, 13; 4, 93), то вызываютъ на нее мусульманъ своимъ вѣроломствомъ (9, 8—13; 8, 58—60; 2, 186—190) или хулою противъ ислама (9, 12). Относительно объема и цѣли войны противъ невѣрныхъ Мухаммедъ говоритъ слѣдующее:

С. 2, 186. «Сражайтесь на пути Божиемъ съ тѣми, которые сражаются съ вами: но не будьте несправедливы, потому что Богъ не любитъ несправедливыхъ» [С. 47 (6-я мединская), 4. «Когда вы встрѣтитесь съ невѣрными, то сѣкать съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете имъ совершеннаго пораженія. Плѣнныхъ держите въ крѣпкихъ оковахъ»].

187. «Убивайте ихъ, гдѣ не застигнете ихъ; изгоняйте ихъ, откуда васъ они изгнали: искушеніе губительнѣе убійства. Не сражайтесь съ ними при запретной мечети, когда они тамъ не начнутъ сражаться съ вами; но если они станутъ сражаться съ вами, то и вы сражайтесь съ ними: это будетъ воздаяніемъ невѣрнымъ» [С. 8, 59, «гдѣ не застигнешь во время войны, разсѣй ихъ»].

60. «Если опасешься вѣроломства отъ какого нибудь народа, то отплачивай ему равнымъ: истинно, Богъ не любитъ вѣроломныхъ». С. 4, 91.

Они [лицемѣры] хотять, чтобы вы были невѣрными такъ же, какъ невѣрны сами они... не берите ихъ въ друзья себѣ, покуда не выдуть они на путь Божій. Если они отворотятся, то берите ихъ, убивайте ихъ, гдѣ ни найдете ихъ, не избирайте изъ нихъ себѣ друга, покровителя», 92. «исключая тѣхъ, которые или присоединяются къ народу, съ которымъ вы въ союзѣ, или которые придутъ къ вамъ, тяготясь въ сердцахъ своихъ войною съ вами... Потомъ, если они удалятся отъ васъ, не вступая въ войну съ вами и заключивши съ вами миръ, то Богъ не устанавлиеть для васъ походовъ противъ нихъ». 93. [Невѣрные «возмутся сдѣлать вамъ бѣду»; но] «если они не удалятся отъ васъ, не предложатъ вамъ замиренія, не положить рукъ своихъ, то вы берите ихъ, убивайте ихъ, гдѣ ни настигнете ихъ. Вамъ доставляемъ мы полную власть надъ ними»].

188. «Если же они удержатся отъ того... Богъ прощающій, милосердъ».

189 Сражайтесь съ ними до толѣ, покуда уже не будетъ вамъ искушенія и покуда не установится ваше поклоненіе Богу. И если они удержатся отъ *борьбы съ вами*, то вражда у васъ будетъ только противъ беззаконныхъ». [С. 8, 62 (Будьте всегда готовы къ войнѣ). 63. «Если они будутъ склоняться къ миру, то и ты склонись къ нему, и возложи упованіе твое на Бога: истинно, Онъ слышашій, знающій».—40. «Воюйте съ ними (невѣрными) до тѣхъ поръ, покуда не будетъ искушенія, покуда не будетъ одного только вѣрослуженія Богу. Если они удержать себя, то... Богъ видитъ, что дѣлають они»; 41. «а если они назадъ повернутся, то знайте, что Богъ покровитель вамъ»].

190 .... «Кто враждуетъ съ вами, съ тѣмъ и вы враждуйте такъ же, какъ онъ враждуетъ съ вами».

Общій смыслъ этихъ наставленій тотъ, что *à la guerre comme à la guerre*. Война съ невѣрными должна быть очень жестока и истребительна, но такова уже варварская манера „сражаться на пути Божіемъ“. Мухаммедъ заботится лишь о томъ, чтобы его „правовѣрные“ не остались въ долгу у своихъ сосѣдей *гяуровъ*, а воздали бы имъ, по возможности, съ лихвою—за вражду враждою и за вѣроломство вѣроломствомъ же. Во всякомъ случаѣ инициатива предоставляется невѣрнымъ. Въ ихъ же власти—прекратить это побоище: стоитъ имъ лишь „удержать свои руки“ и предложить миръ. Тогда война съ ними была бы уже несправедливостью со

стороны мусульманъ. Они обязаны „склониться къ миру“. Этотъ пунктъ поставленъ въ аль-коранѣ такъ твердо, что самая идея ислама, какъ религіи всемірной, съ мечомъ, какъ самымъ надежнымъ средствомъ ея благовѣстія, не исключаетъ для Мухаммеда мысли о дальнѣйшемъ существованіи невѣрныхъ. Въ двухъ замѣчательныхъ сурахъ въ одномъ стихѣ Мухаммедъ ясно высказываетъ и предносившуюся ему идеальную цѣль — объединеніе всѣхъ людей въ одномъ вѣроуставѣ и практическую возможность мировой сдѣлки съ невѣрными ¹⁾. Но, быть можетъ, Мухаммедъ подразумеваетъ обращеніе въ исламъ какъ непремѣнный пунктъ этого мирнаго договора?—Въ отношеніи къ „получившимъ писаніе“ условія мира указаны самимъ пророкомъ, и этого пункта не встрѣчается: видимо Мухаммедъ довольствуется меньшимъ.

С. 9, 29. «Воюйте съ тѣми, которые [выше рѣчь о «нечистыхъ многобожникахъ»], которые не вѣруютъ въ Бога и въ послѣдній день, не считаютъ запрещеннымъ того, что запретилъ Богъ и Его посланникъ; и съ тѣми изъ получившихъ писаніе, которые не принимаютъ истиннаго вѣроустава, дотолѣ, покуда они не будутъ давать выкупа за свою жизнь [такъ называемаго «джизье»], обезсиленные, униженные».

Это мѣсто имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что Мухаммедъ въ данномъ случаѣ не питаетъ никакихъ иллюзій на счетъ отношенія этихъ „китабинъ“ къ исламу: въ слѣдующемъ же стихѣ

---

¹⁾ У проф. Петрова, 206, слова: «сражайтесь съ невѣрными, пока всякое противодѣйствіе исчезнетъ, пока вѣра Господня станетъ единственною религіей на землѣ» приводятся какъ послѣдняя заповѣдь Мухаммеда, съ опущеніемъ послѣднихъ словъ стиховъ 2, 189 и 8, 40. Есть ли въ коранѣ третье мѣсто, гдѣ эти слова читаются безъ этого ограниченія, не знаемъ. Р. 3. «Коранъ требуетъ—непрерывно вести войну (съ невѣрными)... до тѣхъ поръ, пока не покорятся противники, пока не станутъ платить дань и не примутъ магометанской религіи. «Вѣрующіе, не сближайтесь съ христіанами и евреями, не живите съ ними въ однихъ домахъ; когда вы встрѣтите невѣрныхъ, рубите ихъ и дѣлайте имъ возможно болѣе зла» и т. д. — Читая слова Мухаммеда въ такой связи, можно подумать, ужъ не обязываетъ ли коранъ турокъ убивать всякаго попадающагося христіанина, изъ нихъ же содѣлывать, когда только имъ вздумается.

начинается рѣзкая полемика противъ ихъ „зablужденій“¹⁾. Очевидно здѣсь пророкъ ислама принимаетъ христіанъ и іудеевъ такъ, какъ они есть, и за выкупъ признаетъ за ними по крайней мѣрѣ право на существованіе. И здѣсь онъ ясно представляетъ практическую границу своимъ универсальнымъ поплзновеніямъ.

Менѣ опредѣленно его отношеніе къ „многобожникамъ“.

С. 9, 5. «Когда кончатся запретные мѣсяцы, тогда убивайте многобожниковъ, гдѣ ни найдете ихъ; старайтесь захватить ихъ, осаждайте ихъ, дѣлайте вокругъ ихъ засады во всякомъ мѣстѣ, гдѣ можно подстеречь ихъ. Но если они съ раскаяніемъ обратятся, будутъ совершать молитву, будутъ давать очистительную милостыню; то дайте имъ свободный путь: Богъ—прощающій, милосердъ».

6. «Если кто нибудь изъ многобожниковъ попроситъ у тебя себѣ убѣжища, то дай ему убѣжище, дабы онъ слышалъ слово Божіе; послѣ того доведи его до безопаснаго мѣста: это потому, что они люди незнающіе».

7—10. [Съ такими вѣроломными людьми, какъ многобожники, союзъ невозможенъ. Войте съ ними].

11. «Но если они покаившись обратятся, будутъ совершать молитву, будутъ давать очистительную милостыню, то будутъ вамъ братьями по вѣрѣ. Мы излагаемъ эти знаменія ясно для людей понимающихъ».

12. «Если они, послѣ сего союза съ ними, нарушатъ клятвы свои и будутъ хулить вашу вѣру: то войте съ вождями невѣрія (для нихъ нѣтъ клятвы!): можетъ быть, они будутъ сдерживать себя».

Такимъ образомъ Мухаммедъ не думаетъ скрывать своихъ видовъ на счетъ пропаганды между многобожниками: съ этою цѣлію онъ позволяетъ давать имъ убѣжище. Союзъ ихъ съ мусульманами возможенъ; но каковы условія этой мировой сдѣлки? Только ли „выкупъ за жизнь?“²⁾ Встрѣчающіяся въ ст. 5 описательныя выраженія, эти „знаменія“, на основаніи ст. 11. 12, слѣдуетъ понимому понимать въ смыслѣ принятія многобожниками ислама. Другіе однако же истолковываютъ ихъ совѣмъ въ противоположномъ смыслѣ³⁾. Такова уже „ясность“ аль-корана!

¹⁾ См. стр. 157—158.

²⁾ Ср. 9, 29 (стр. 165).

³⁾ Уф. љ. 1519. с. 51. Испытати видятъ въ 9, 5 даже гарантію непркосновеннос. 1 религиозныхъ правъ христіанъ и, кажется, претполагаетъ и въ

Каково же правовое положеніе христіанъ среди мусульманъ, по ученію Мухаммеда? Къ ущербу для теоретическаго знанія, но, можетъ быть, и къ счастью христіанскихъ народовъ подъ мусульманскимъ господствомъ, основатель ислама не сказалъ въ этомъ отношеніи своего послѣдняго слова, не обобщилъ въ одномъ тезисѣ всѣхъ своихъ повелѣній, отмѣнивъ все, что съ нимъ несогласно. Въ коранѣ онъ остановился на полдорогѣ. На его страницахъ онъ рѣдко является администраторомъ, устрояющимъ отношенія „правовѣрныхъ“ къ ихъ мирнымъ согражданамъ-инновѣрцамъ, и слишкомъ часто — полководцемъ, который заботится обезпечить за своими успѣхъ въ борьбѣ съ вооруженнымъ непріателемъ. Поэтому большая часть его грозныхъ повелѣній высказана *ad hoc*, имѣетъ свое основаніе лишь въ данныхъ обстоятельствахъ того времени и, строго говоря, къ интересующему насъ вопросу не относится. А тѣ немногія строки, въ которыхъ Мухаммедъ говоритъ объ инновѣрцахъ какъ о мирныхъ сосѣдяхъ, отличаются тонсомъ уже значительно мягкимъ ¹⁾. Законную средину составитъ во всякомъ случаѣ тотъ выводъ, что Мухаммедъ позволяетъ мусульманамъ терпѣть христіанъ въ своемъ обществѣ. Христіанство и съ точнаго зрѣнія аль-корана есть *religio licita*. Не на принципѣ вѣротерпимости покоится это разрѣшеніе, и не симпатія къ христіанству гарантируютъ ему право на существованіе. Это — скорѣе молчаливое признаніе того факта, что христіанъ нельзя принудить къ отреченію отъ своей вѣры. Самая война противъ невѣрныхъ не имѣетъ того грознаго (въ религіозномъ отношеніи) значенія, какое ей приписываютъ: Мухаммедъ не надѣется, чтобы ее можно было довести до послѣдней цѣли, и довольствуется относительнымъ успѣхомъ, — разрѣшаетъ,

---

самомъ визирѣ такое же пониманіе этого мѣста. Въ 1514 г. вышелъ указъ о принудительномъ обращеніи всѣхъ христіанъ въ мусульманство. «Ужаснулся визирь, узнавъ о такомъ указѣ, противорѣчащемъ корану Мухаммеда и вредномъ для государственныхъ финансовъ (смотри въ сурѣ *tabaiti* [тюркскіи: *al tabait* = Покаяніе = 9]; ст. 5: «но если они покорятся и будутъ молиться и платить десятину, оставьте имъ путь ихъ, т. е. вѣру ихъ».)»

¹⁾ (р. сур. 5, 7 (стр. 155))

почти предписывает своимъ послѣдователямъ—обанчивать ее на известныхъ мирныхъ условіяхъ. Пусть единство всѣхъ подѣ исламомъ есть идеальная цѣль, а существованіе христіанъ — только компромиссъ съ непріятною дѣйствительностью; но и это послѣднее положеніе вещей обосновано на священномъ въ глазахъ мусульманъ словѣ пророка. Конечно аль-коранъ—противъ равноправности невѣрныхъ съ мусульманами. „Не бываетъ тому, чтобы Богъ невѣрнымъ далъ успѣхъ противъ вѣрующихъ!“¹⁾ и идеальный мусульмъ „добросердеченъ къ вѣрующимъ и суровъ къ невѣрнымъ“²⁾. Христіанамъ коранъ предоставляетъ только minimum: жизнь и вѣру. Главная опасность, какую представляетъ для христіанъ эта книга, заключается однако не въ какихъ либо специальныхъ предписаніяхъ противъ нихъ, а въ ея общемъ духѣ и несистематичной формѣ изложенія. Она часто говоритъ о враждѣ и мщеніи и рѣдко о прощеніи и терпѣніи. Можно судить, каково должны вліять подобныя наставленія на характеръ полудикихъ народовъ. Ея повелѣнія держатся на мотивахъ, заключающихся въ единичныхъ обстоятельствахъ, и предлагаются ех абсурто, и вліятельный изувѣръ безъ особыхъ затрудненій можетъ воспользоваться во вредъ христіанамъ какимъ нибудь безсвязнымъ вѣщаніемъ пророка, вложить въ него общій смыслъ, какой ему угодно, и—фанатизировать массы. Больше другихъ опасны для христіанъ изреченія Мухаммеда о „многобожникахъ“. Но былъ одинъ случай, когда эти громы пророка едва не погубили самихъ „правовѣрныхъ“, и они сдѣлали весьма любопытное разъясненіе. Въ 1266 г. (отъ Р. Хр.) враги мусульманъ убѣдили Капла-Каана (Carpal-Caana), одного изъ потомковъ Чингизъ-Хана, что съ его стороны весьма неосторожно—терпѣть въ своихъ владѣніяхъ такую вредную секту, какъ мухаммедане: вѣдь въ ихъ священной книгѣ есть прямое повелѣніе: „убивайте, истребляйте многобожниковъ (мушрикинъ)“. Напуганный ханъ при-

---

¹⁾ С. 4, 140.

²⁾ С. 5, 59.

нялъ было чрезвычайныя мѣры противъ „правовѣрныхъ“; но уважаемый мусульманскій ученый, Халидъ уд-динъ Семерканди, всѣмъ для него священнымъ завѣрилъ этого государя, что подь „мушрикы“ разумѣются лишь язычники-арабы и что это слово никоимъ образомъ не относится къ другимъ народамъ, не принимающимъ ислама“. Послѣ этого ханъ-язычникъ опять далъ мусульманамъ право на существованіе въ его государствѣ ¹⁾).

III.

Изъ исторіи о поведеніи мусульманъ къ христіанамъ въ первое столѣтіе хеджры.— Мухаммедъ и арабскіе христіане; его отношеніе къ еврейямъ. Омаръ и бену-Таллебъ. Взятіе Іерусалема и Александріи.

Лучшимъ комментариемъ предписаній обыкновенно служитъ практика ихъ, особенно если ихъ прилагаютъ къ дѣлу лица компетентныя. Исторія сохранила нѣсколько свѣденій объ отношеніи къ христіанамъ (и вообще иновѣрцамъ) самого Мухаммеда и его второго преемника, авторитетъ котораго высоко стоитъ въ глазахъ мухаммедавъ-суннитовъ.

Самъ Мухаммедъ покорилъ своей власти христіанъ, жившихъ на югѣ аравійскаго полуострова (въ Неджранѣ) и заключилъ съ ними такой договоръ: они обязывались доставить мусульманамъ 1,000 хулле, т. е. тысячу штукъ одежды, состоящей изъ плаща и „изара“, которымъ опоясываютъ туловище, и еще дать имъ заимобразно 30 верблюдовъ, 30 лошадей и по 30 штукъ всякаго оружія, которымъ они сражались противъ мусульманъ. За это послѣдніе обѣщали христіанамъ неприкосновенность ихъ церквей и священниковъ и свободу въ дѣлахъ вѣры. — Такая умѣренность требованій говоритъ о томъ, что дѣла пророка шли не блестяще; но важно то, что мусульмане сдержали свое обѣщаніе: христіане пользовались религіозною свободою до начала правленія втораго калифа, Омара (634 — 643 г.), который заставилъ ихъ высе-

¹⁾ Robson. I 35 sq.

литься изъ Аравіи. Впрочемъ имъ дозволили взять съ собою все движимое имущество и отвели имъ въ покоренныхъ мусульманами областяхъ такое же количество земли, какимъ они владѣли въ ихъ отечествѣ ¹⁾, такъ что это было скорѣе переселеніе ихъ, чѣмъ изгнаніе.

Не такъ счастливы были аравійскіе евреи, вѣроятно болѣе христіанъ могущественные и потому болѣе опасные. Два іудейскія племени Мухаммедъ изгналъ въ Сирію, а третье, сдавшееся на милость побѣдителя, истребилъ: мужчины, въ числѣ 600, были преданы казни, женщины и дѣти розданы въ рабство мусульманамъ ²⁾.

Калифъ Омаръ (634—643) вынужденъ былъ пойти на компромиссъ даже съ арабами язычниками. Одно храброе племя, бену-Таглебъ, не хотѣло ни принимать ислама, ни подчиняться мусульманамъ на тѣхъ условіяхъ, какъ другіе невѣрныя: бену-Таглебъ не хотѣли платить „джизье“, „выкупа за жизнь“, оскорбительнаго для ихъ національной чести, и предлагали только „садака“, „милостыню“, которую брали и съ мусульманъ. Омаръ сперва отказалъ бену-Таглебъ; но потомъ, по совѣщаніи съ сподвижниками пророка, рѣшено было взять съ этого мужественнаго племени „двойную милостыню“ въ размѣрахъ „джизье“; нашли, что доводить бену-Таглебъ до крайности—дѣло опасное... ³⁾. Такимъ образомъ пришлось помириться съ этими бесспорными „мушрикинъ“ на условіяхъ болѣе легкихъ, чѣмъ даже тѣ, какія Мухаммедъ назначилъ для самихъ „получившихъ писаніе“.

При томъ же калифъ сдался мусульманамъ Іерусалимъ (637 г.), и 24 пункта этой капитуляціи, утвержденной Омаромъ, имѣли не мало важное значеніе для развитія послѣдующихъ отношеній между мусульманами: и христіанами эти пункты легли въ основу поста-

---

¹⁾ Journ. asiat. 1852 у Г. 67.

²⁾ Петровъ, Очерки изъ всеобщей исторіи. Харьковъ, 1868. стр. 191.

³⁾ Г. 30.

повленій мусульманскихъ правовѣдовъ. — Иерусалимскіе христіане, по этому договору, получаютъ „аманъ“, гарантирующій имъ жизнь, безопасность и извѣстную долю свободы вѣроисповѣданія. Мусульмане застраховываютъ себя противъ всякой попытки христіанской пропаганды: христіане безусловно лишены права умножать свое общество на счетъ мухаммеданскаго. они не смѣютъ не только проповѣдывать мусульманамъ христіанства, своего „многобожія“¹⁾, но даже изучать аль-коранъ. Но съ своей стороны, христіане не могутъ отговаривать своихъ соплеменниковъ отъ принятія ислама. Имъ запрещается (въ городахъ, по крайней мѣрѣ) строить новые церкви и монастыри, а въ мусульманскихъ кварталахъ—даже возобновлять старыя. Публичныя проявленія христіанскаго вѣроисповѣданія стѣсняются: на церквахъ нельзя выставлять крестовъ; въ била (накусы) можно ударять только слабо; процессіи съ крестами и иконами внѣ храмовъ въ мусульманскихъ кварталахъ запрещены вовсе, равно какъ и торжественные проводы умершихъ. Такъ какъ мусульмане имѣютъ свободный входъ въ храмы, то въ ихъ присутствіи христіане не должны возвышать своего голоса при чтеніи свящ. книгъ. Въ общественной жизни они обязываются оказывать мусульманамъ различныя знаки уваженія; въ своей одеждѣ, въ самыхъ своихъ именахъ и взаимныхъ привѣтствіяхъ они должны отличаться отъ мухаммеданъ; они не могутъ ни ѣздить въ сѣдлахъ, ни носить оружія, ни продавать овяняющихъ напитковъ, и никогда не ударять никого изъ мусульманъ²⁾.

При томъ же балифѣ власти арабовъ подпала и Александрія (641 г.). Сдавая этотъ городъ, христіаневъ своимъ договорѣ поставили между прочимъ слѣдующія условія: мусульмане „не отнимутъ у нихъ церквей, не станутъ вѣшпиваться въ ихъ религіоз-

---

¹⁾ Г. 68. Въ арабскомъ стоитъ «ширкъ», слово одного корня съ «мушрикнъ». Слѣдовательно, если совѣсть Хамиды-уд-динъ-Семерканди была чиста, когда онъ увѣрялъ хана, что подъ «мушрикнъ» разумѣются только язычники-арабы (см. выше стр. 169),—то послѣдующему развитію мусульманскаго богословія принадлежитъ честь такого ограниченія объема этого термина.

²⁾ Г. 67. 68

ныя дѣла и позволять евреямъ житъ въ Александріи“¹⁾. И Амрузъ взявшій городъ, „во все время своего управленія не касался церковныхъ имуществъ, защищалъ ихъ отъ всякаго грабежа и покровительствовалъ“ христіанамъ. Только отъ слишкомъ высокаго налога приходилось страдать александрійцамъ²⁾.

Такимъ образомъ въ первый же вѣкъ мухаммеданской эры устанавливается такая практика, что побѣжденнымъ христіанамъ, подѣ известными ограниченіями, оставляютъ жизнь, вѣру и нѣкоторую долю свободы, и ихъ зависимость отъ мусульманъ выражается въ дани, которую они платятъ побѣдителямъ. Даже и въ эту эпоху перваго, неостывшаго одушевленія мухаммеданъ духъ компромисса дѣлаетъ довольно успѣшныя завоеванія; сдѣлка съ обстоятельствами торжествуетъ надъ идеальными цѣлями, универсальными порывами ислама. Аравійскій пророкъ вѣроломно истребляетъ только врага малочисленнаго, обезсиленнаго и все-таки опаснаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ довольствуется лишь практически удободостижимымъ, не стѣсняясь особенно строгими страницами аль-корана.

IV³⁾.

Христіане и мусульманское право.— Мусульманскія школы въ юриспруденціи и пробабиллизмъ.—«Джигадъ».—Зимметъ.—Религіозныя права христіанъ.—Запрещеніе проповѣди между мусульманами.—Ограниченіе свободы отправленія богослуженія.—Что оскорбительно для ислама?—Средства давленія на иновѣрцевъ.—Идеаль «смиренія» христіанъ предъ мусульманами.—Христіане не могутъ свидѣтельствовать противъ мусульманъ.—«Джизья».—«Хараджъ» опредѣленный и пропорціональный.—Торговое право.—«Мустеминъ».

Изреченія аль-корана о христіанахъ не отличаются такою опредѣленностью, которая устраняла бы возможность всякаго ихъ пере-

¹⁾ Journal asiatique, 1879. La chronique de Jean, évêque de Nikiou, par Zotenberg, chap. 120.

²⁾ Ibid. ch. 121.

³⁾ Цитуются:

Г.—*Гиріасъ Ва.*—Права христіанъ на востокѣ по мусульманскимъ законамъ. С.-Петербургъ, 1865. Въ этой главѣ названное сочиненіе служитъ для

толкованія. Но не найдемъ ли мы этихъ строго опредѣленныхъ постановленій объ отношеніи мусульманъ къ иновѣрцамъ въ мухаммеданскомъ религіозномъ законодательствѣ, развившемся на основѣ корана, суннета и авторитетныхъ преданій и историческихъ прецедентовъ,—въ мусульманскомъ правѣ въ той его формѣ, въ какой оно вышло изъ рукъ знаменитыхъ имамовъ, т. е. высокоавторитетныхъ мусульманскихъ законовѣдцовъ¹⁾?

Отвѣтъ и здѣсь отрицательный. Туманъ двусмысленныхъ и противорѣчивыхъ положеній аль-корана несовсѣмъ разсѣялся и при свѣтѣ мусульманской юридической науки. Главная и общая причина этого та, что въ средѣ самихъ мусульманъ-суннитовъ (правовѣрныхъ) нѣтъ полнаго согласія между учеными. Уже очень рано они раздѣлились на четыре школы, которыя всѣ признаются за правовѣрныя, но расходятся между собою въ рѣшеніи нѣкоторыхъ далеко не маловажныхъ подробностей юридическаго положенія христіанъ въ мусульманскомъ государствѣ. Эти суннитскія школы—ханэфитовъ, Малика, Шафѣи и ханбалитовъ.

насъ не пособіемъ, а почти единственнымъ источникомъ. Лишь въ немногихъ пунктахъ, гдѣ дѣло касается метрологіи, мы отступаемъ отъ его руководства, благодаря указанію самого проф. В. О. Гиргаса, обратившаго наше вниманіе на сочиненіи—

Q.—Don V. Vazquez Queiro, Essai sur les systèmes métriques et monétaires des anciens peuples depuis les premiers temps historiques jusqu'à la fin du khalifat d'Orient. Paris, 1859, tome II,—гдѣ арабская метрологія изслѣдована подробно и сon amore,—и

Тз.—*Тиземаузенъ В*—Монеты восточнаго халифата. С.-Петербургъ, 1873,—гдѣ мы встрѣтили указаніе на

Sl.—M. de Slane, Notice sur Codama. Journal Asiatique, 5, XX, 1862, и

ВМ.—С. Barbier de Meynard, Le livre des routes et des provinces par ibn Khordadbeh. Journal Asiatique, 6, V, 1865. Дополнительныя свѣденія заимствуемъ изъ — Нг.—Hauri, Johannes, Der Islam in seinem Einfluss auf das Leben seiner Bekenner. Leiden, Brill, 1882.

ПК.—Приложеніе къ переводу корана. I. Казань, 1879.

¹⁾ На этой степени развитія мусульманское право является въ такихъ классическихъ сборникахъ, какъ «Выбранные перлы» (Durr-ul-muhtar), соч. Мухаммеда эль-Хасекя, и «Мѣсто слиянія морей» (Multa-l-ebhur), сочин. шейха Ибрагима аленецкаго (XVI в.). Оба сборника вышли изъ подъ пера ханэфитовъ, и послѣдній въ Турціи имѣлъ оффиціальное значеніе.

Основатель первой из нихъ, „великій имамъ“ (имамъ аземъ) Номанъ бенъ-Сабитъ абу-Ханифэ (умершій въ 767 г. по Р. Х.), былъ персидскій купецъ и преподавалъ право многочисленнымъ слушателямъ въ Сиріи. И по своей національности и по мѣсту своей дѣятельности чуждый родной почвѣ ислама, „великій имамъ“ оказался въ извѣстномъ смыслѣ раціоналистомъ: онъ далъ довольно широкое мѣсто началамъ человѣческаго разума и создалъ самую толерантную и человѣчную правовую систему, какая только могла явиться на почвѣ ислама.—Въ иномъ направленіи училъ младшій современникъ абу-Ханифэ, Маликъ ибн-Анасъ (ум. 795 г. по Р. Х.). Въ исторіи ислама онъ извѣстенъ тѣмъ, что собралъ 1.700 достовѣрныхъ мусульманскихъ преданій. Преподавая право въ самомъ центрѣ мусульманской ортодоксіи, „городѣ пророка“—Мединѣ, Маликъ остался вѣренъ суровой буквѣ преданій. Его консервативная система представляла настолько замѣтную разность сравнительно съ ученіемъ абу-Ханифэ, что ученіе Малика, Мухаммедъ эш-Шафэи (ок. 819 г. по Р. Х.), счелъ нужнымъ выступить въ Багдадѣ съ посредствующею системою, тѣсно примыкающая, впрочемъ, къ „добрымъ преданіямъ и обычаямъ“ мусульманъ ¹⁾. А ученіе Шафэи, Ахмедъ бен-Ханбаль (ок. 855 г. по Р. Х.), выглядит уже консервативнѣе и правовѣрнѣе самого Малика, и ханбалиты представляютъ самую строгую и нетерпимую школу въ мухаммеданскомъ мірѣ. Держась за букву аль-корана и суннета, они объявляютъ ересью всякій опытъ научной обработки вѣроученія. Грубѣйшій антропоморфизмъ въ ученіи о Богѣ и вѣрованіе, что не только коранъ, но даже крышки его переплета и футляръ его—несотворенны, характеристичны для ихъ теоріи, а поднимаемыя ими при аббасидахъ народныя движенія, кончавшіяся рѣзней и пожарами, показываютъ, какого духа эти люди въ ихъ житейской практикѣ. Въ настоящее время османы и большая часть

---

¹⁾ Hergenröther, Handb. d. allgem. KG. Freiburg im Br., Herder, 1879, I, 517.

народностей азиатской Турціи считаются послѣдователями ханэфитской школы, системы Малика держатся кое-гдѣ въ сѣверной Африкѣ, ученіе Шафѣи господствуетъ въ Египтѣ, Сиріи и на мусульманскомъ востокѣ, а ханбалиты—во внутренней Аравіи ¹⁾.—Но какъ бы далеко ни расходились между собою абу-Ханифѣ и бен-Ханбаль, мусульманскій міръ рѣшилъ признавать ихъ правовѣрными, и позднѣйшіе мухаммеданскіе юристы должны считаться съ авторитетными мнѣніями имамовъ—основателей всѣхъ школъ ²⁾. А такъ какъ, помимо ихъ различныхъ тенденцій, авторитетные юристы не всегда были послѣдовательны, а иногда прямо противорѣчили сами себѣ; то естественно, что мусульманское право представляетъ достаточно широкое поле для согласительныхъ опытовъ. Иногда же мухаммеданскіе юристы прямо отказываются отъ этой неблагодарной задачи и прибѣгаютъ къ системѣ своего рода пробабиллизма, предоставляя имаму (въ данномъ случаѣ — мусульманскому государю) применить къ тому или другому изъ существующихъ мнѣній или постановить новое рѣшеніе по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ и по вопросу объ отношеніи мусульманъ къ христіанамъ мухаммеданское религиозное право иногда даетъ только основной тонъ, устанавливаетъ общее направленіе этихъ отношеній, а въ подробностяхъ многое предоставляетъ разрѣшить практикѣ.

Основныя черты этихъ отношеній мухаммеданское законодательство представляетъ въ такомъ видѣ.

Оставаясь на всей высотѣ своего религиознаго принципа, мусульманское право не придаетъ значенія ни различію народностей, ни различію вѣроисповѣданій въ ислама: „всѣ невѣрные (кафиры)—одинъ народъ“ ³⁾. Поэтому цѣлый міръ для муслима ра-

¹⁾ Нг. 69—71.

²⁾ Такъ авторы «Выбранныхъ перловъ» и «Мѣста сліянія морей»—ханэфиты; но они принимаютъ къ свѣденію и мнѣнія имамовъ Малика, Шафѣи и Ахмеда. Есть даже особое сочиненіе «Мизанъ» («Васы?»), — опытъ уравнивошенія и сводъ возрѣній расходящихся между собою авторитетовъ.

³⁾ D'O hsson, Tableau de l'empire ottoman. Paris, 1788, 1, 35.

спадается на двѣ половины: „дар-уль-исламъ“ и „дар-уль-харбъ“, „землю ислама“, страны подвластныя мусульманамъ, и „землю войны“, страны не мусульманскія, которыя должно покорить исламу силою оружія.

Источникъ власти мусульманъ надъ иновѣрцами — или война или мирный договоръ.

При основномъ воззрѣніи мусульманъ отношенія между „землю ислама“ и „землю войны“ представляются настолько напряженными, что въ поводахъ къ войнѣ не можетъ быть недостатка. Между ними возможенъ не миръ, а лишь временное перемиріе, и консервативный Маликъ рекомендуетъ мусульманамъ не заключать съ „дар-уль-харбъ“ перемирія больше, чѣмъ на четыре мѣсяца; но онъ смягчаетъ это строгое требованіе обычнымъ въ мусульманскомъ правѣ ограниченіемъ: на четыре мѣсяца, если только выгоды мусульманъ не потребуютъ продолженія мира. А ханэфиты дозволяютъ мусульманамъ не только заключать миръ, но даже покупать его за деньги, но позволяютъ и нарушать его, лишь только потребуютъ этого ихъ выгоды, и обязываютъ ихъ только предупредить невѣрныхъ о прекращеніи мира.

Всякая война мусульманъ противъ „дар-уль-харбъ“ легко можетъ принять религіозную окраску: достаточно, если невѣрные знаютъ о проповѣди ислама и не хотятъ ни принять мухаммеданства, ни платить мусульманамъ „джизье“, и тогда война послѣднихъ съ ними становится „джигадъ“, войною за вѣру, „путемъ Божіимъ“. Эта война конечно жестока и разрушительна; но все же въ мусульманскомъ правѣ пробивается и гуманная струя: видно стремленіе—объемъ этой войны ограничить борьбою съ вооруженнымъ или способнымъ къ оружію непріателемъ. Поэтому запрещается убивать лицъ въ этомъ отношеніи безвредныхъ,—женщинъ, дѣтей, стариковъ, калѣвъ, безумныхъ, монаховъ и священниковъ, не имѣющихъ сношенія съ міромъ. Исключеніе допускается въ томъ лишь случаѣ, если подобныя лица все-таки оказываются страшны для мусульманъ или своимъ богатствомъ, или опытностію

въ военномъ дѣлѣ, или же своимъ политическимъ значеніемъ (если ктонибудь изъ нихъ будетъ царемъ). Въ противномъ случаѣ мусульманинъ, убившій когонибудь изъ этихъ безвредныхъ лицъ, долженъ принести покаяніе; а Маликъ обязываетъ его даже платить „дѣбетъ“ за убійство монаха или монахини ¹⁾. Равнымъ образомъ запрещается убивать и военнопленныхъ, хотя бы то для возбужденія страха въ неприятелѣ ²⁾.

¹⁾ «Дѣбетъ» — цѣна за кровь, которую въ данномъ случаѣ убійца долженъ платить единовѣрцамъ монаха. — За убійство муслима (но, можетъ быть, только муслима) «дѣбетъ» назначенъ въ 1000 динаровъ. Г. 13. Динаръ (dinar) — золотая монета, заимствованная арабами, по Куэйпо (Q. II, 115—130. 186), у сассанидовъ, по Бергману (Тз. XI), подражаніе византійской номисмѣ. Куэйпо, взвѣсившій болѣе 280 динаровъ, нормальный вѣсъ динара первыхъ вѣковъ гиджры принимаетъ въ 4,25 грамма (=95,646 долей, слѣдовательно =3 р. 50 к. зол.). Серебряная монета халифовъ называется «диргемъ» (dirhem), т. е. драхма, и представляетъ, по Куэйпо, подражаніе серебряной монетѣ имп. Ираклія (κεράτιον, siliqua), по Бергману — серебряной монетѣ сасанидовъ. Куэйпо, взвѣсившій 550 диргемовъ, нашелъ, что вѣсъ ихъ колеблется между 2,760—2,908 граммами. Взвѣшенные Твенгаузеномъ диргемы болѣею частью вѣсятъ отъ 2,790 до 2,852 граммовъ. Куэйпо за норму принимаетъ вѣсъ въ 2,833 грамма (=63,75 долей, слѣдовательно до 15, 7 коп. сер.). Но действительная стоимость его опредѣляется его отношеніемъ къ динару, которое въ разное время различно. П. К. полагается, что 25 диргемовъ = 1 динару, Г. 13. 27: 1 дн. = 10 дрг. По даннымъ у Тз. XI, въ 696 г. по Р. Хр. динаръ стоилъ, по одному извѣстію — 10 дрг., по другому — 20 дрг., въ 912 г. — 15 дрг., въ 941 г. — 13 дрг. В. М. 236 принимаетъ отношеніе 1 дн. = 15 дрг., засвидѣтельствованное абу-ль-Фереджемъ Кодамоу (902—948 г. по Р. Х.), и среднюю (между нормальной въ 14 fr. и низшею въ 7 fr.) стоимость динара въ 10 франковъ; поэтому диргемъ = 70—65 сантимамъ. По Нг. 151. 175 также 1 дн. = 10 франкамъ. Принимая отношеніе 1 дн. = 15 дрг. (Sl. 179), какъ ближайшее къ VIII в., и динаръ действительно нормальный по вѣсу (94,6 дол.), можно полагать динаръ = 350 к. зол. и диргемъ = 23 к. зол. И если у арабовъ «дѣбетъ» былъ для всѣхъ случаевъ одинъ и тотъ-же, то, слѣдовательно, Маликъ за убійство монаха налагаетъ на правовѣрныхъ штрафъ въ 3.500 р. з.

²⁾ Что это гуманное начало не выдерживается во всей послѣдовательно-сти, разумѣется само собою. Мусульманскіе юристы умѣютъ уклоняться отъ послѣдствій высказанныхъ ими же положеній, и подъ ихъ перомъ чловѣчное начало входитъ въ позорныя сдѣлки съ варварскою манерою сражаться на пути Божіемъ. Запретъ убивать пленныхъ ясенъ, но онъ даетъ совсѣмъ неожиданныя результаты. «Такъ какъ запрещается [послѣ побѣды надъ не-

Конецъ войны, въ случаѣ побѣды, — или добровольная сдача непріятели, когда онъ испрашиваетъ „аманъ“, или же подчиненіе врага силою оружія. Въ послѣднемъ случаѣ участь побѣжденныхъ зависитъ отъ мановенія имама, т. е. государя побѣдителя: ихъ ждетъ или поголовное избіеніе, или поголовное рабство, или „зимметъ“, т. е. тотъ же „аманъ“ и подданство мухаммеданамъ. Предложить „зимметъ“ имамъ не имѣетъ права лишь арабамъ язычникамъ, а іудеи и христіане признаются въ особенности правоспособными для „зиммета“.

Когда извѣстная часть „дар-уль-харба“ входитъ въ составъ „дар-уль-ислама“ по мирному договору, то условія этого договора обязательны для имама и всѣхъ его преемниковъ. Когда мусуль-

---

вѣрными] убивать женщинъ и дѣтей, то тѣхъ, которыхъ невозможно отправить въ дар-уль-исламъ, должно покинуть въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ-бы они умерли съ голода и жажды». «Если мусульмане, будучи въ дар-уль-харбѣ, найдутъ въ багажѣ змѣю или скорпіона, то они должны довольствоваться тѣмъ, что они вырвутъ зубы змѣѣ и хвостъ скорпіону, оставляя ихъ живыми для размноженія». Если въ основѣ послѣдняго распоряженія лежитъ человѣческое разсужденіе, что даже ядовитой гадюгѣ не слѣдуетъ вредить больше того, сколько требуется прямыми интересами самозащиты, что даже и змѣѣ можно предоставить безвредное существованіе: то это правило, какъ яркій контрастъ, подчеркиваетъ вышеприведенное распоряженіе о женщинахъ и дѣтяхъ. Но можетъ быть послѣднее предписаніе клонится лишь къ тому, что муслима, даже и защищая самого себя, долженъ заботиться, какъ бы не сдѣлать чего нибудь полезнаго и для кафира, что правовѣрные обязаны беречь для невѣрныхъ всѣ возможности вреда полностью: безхвостый скорпіонъ не ужалитъ вторгшагося въ дар-уль-харбъ муслима; но пусть этотъ гадъ въ будущемъ вредитъ гаурамъ чрезъ свое потомство. Если таковъ смыслъ этого правила, то оно конечно гармонируетъ съ вышеприведеннымъ, но за то весьма отчетливо рисуется тѣ чувства, съ которыми правовѣрные вступаютъ въ непріятельскую землю, всю интенсивность ихъ непріязни, которая можетъ внушить подобную предусмотрительность. Впрочемъ, Гаурі (Нг. 261) и сама военныя предписанія передаетъ иначе. «Во всякомъ случаѣ мусульманское военное право дозволяетъ правовѣрнымъ убивать взятыхъ въ плѣнъ непріятели, и многіе законовѣды распространяютъ это дозволеніе и на стариковъ, отшельниковъ и монаховъ; напротивъ, запрещено убивать дѣтей, женщинъ и рабовъ, если только они не участвовали въ войнѣ». Отдаемъ предпочтеніе изложенію Гиргаса (въ текстѣ) единственно на томъ основаніи, что онъ основывается на правовыхъ сборникахъ вполне авторитетныхъ.

мане присоединяютъ часть „дар-уль-харба“ силою оружія, но непріятель, имѣя нѣкоторыя средства самозащиты, испросилъ „аманъ“, то онъ входитъ въ мусульманское подданство все же на извѣстныхъ условіяхъ. Когда наконецъ извѣстный городъ взятъ штурмомъ безъ всякой сдачи и договора, но имамъ даровалъ побѣжденнымъ „зимметъ“, то подчиненіе невѣрныхъ мусульманамъ все же произошло на извѣстныхъ условіяхъ: побѣжденнымъ все-таки усвоена извѣстная сумма правъ. Въ первомъ изъ этихъ трехъ случаевъ договоръ имѣеть вѣчную силу: шеріатъ не признаеть за мусульманами права отмѣнить эти условія. Но въ двухъ послѣднихъ не могутъ ли преемники имама-завоевателя отмѣнить данныя имъ побѣжденному народу привиллегіи или ограничить ихъ? На этотъ важный для насъ вопросъ мы не находимъ отвѣта.

Иновѣрные подданные мусульманскихъ государей называются „эгхль-уз-зимметъ“, ихъ правовое положеніе обозначается словомъ „зимметъ“. Оно означаетъ договоръ, по которому иновѣрцы принимаютъ на себя обязательство платить „джизье“ и „хараджъ“ и подчиняться законамъ своихъ побѣдителей, а мусульмане признають за иновѣрцами право на жизнь, свободу и имущество. „Невѣрные,—говорить Али,—дали „джизье“ для того, чтобы кровь ихъ была какъ наша кровь, а ихъ имущества—какъ наши имущества“. „Если невѣрные согласятся на платежъ „джизье“, то они пользуются одинаковыми съ мусульманами правами въ отношеніи личной безопасности и сохранности имуществъ“ равно какъ въ отношеніи „правосудія и возмездія за проступки“¹⁾. Такимъ образомъ „зимметъ“ обезпечиваетъ за иновѣрцами въ извѣстномъ объемѣ равенство съ мусульманами передъ закономъ²⁾.

¹⁾ Г. 13.

²⁾ Нѣмецкіе писатели, даже и филологи-оріенталисты, слово «ehl-uz-zimmet» переводятъ «die Schutzgenossen», «союзники, находящіеся подъ покровительствомъ». Между тѣмъ ПК подъ словомъ «обязанность» категорически завѣряеть, что «зимма» [или Zimmet] значить «обязательство себя къ какому-либо роду дѣлъ» и производное отсюда названіе для христіанъ и евре-

Религіозныя права, которыя шеріэтъ предоставляетъ зимми, представляютъ для насъ наибольшій интересъ, и потому мы укажемъ ихъ съ возможною полнотою.

Зимми предоставляется свобода во внутреннихъ дѣлахъ ихъ вѣроисповѣданія. „Мусульмане получили приказаніе не вмѣшиваться въ дѣла религіи невѣрныхъ“, гласитъ положеніе, принимаемое законовѣдами при рѣшеніи дѣлъ, касающихся зимми.—Они могутъ исповѣдывать свою вѣру и имѣютъ свои мѣста общественнаго богослуженія.

Ограниченія, которыя налагаютъ на зимми шеріэтъ, касаются слѣдующихъ пунктовъ: Зимми безусловно не имѣютъ права расширять свое религіозное общество на счетъ мусульманскаго. Обращенія мусульманъ невозможны уже потому, что ренегату ислама („муртеддъ“) предстоитъ выборъ лишь между исламомъ и смертію (мечомъ). Напротивъ, по договору съ Омаромъ, иновѣрцы не смѣютъ препятствовать совращенію членовъ ихъ общества въ исламъ. Интересны однако слѣдующія постановленія относительно свидѣтельства зимми на судѣ, явно благопріятныя для христіанъ.

„Свидѣтельство зимми не принимается, если двое христіанъ засвидѣтельствуютъ противъ своего единовѣрца, что онъ принялъ исламъ, тотъ же отвергаетъ ихъ показаніе. Равнымъ образомъ свидѣтельство мусульманина и двухъ мусульманокъ въ принятіи христіаниномъ ислама не принимается. Если же два христіанина свидѣтельствуютъ противъ христіанки въ принятіи ею ислама, то

евъ «зимми» значитъ «обязанный выкупать жизнь данью «джизья», но не имѣть смысла кліента, «находящійся подъ покровительствомъ». Но это толкованіе едвали не страдаетъ излишнимъ пессимизмомъ: изреченіе Али представляетъ отношеніе мусульманъ къ невѣрнымъ не въ столь мрачномъ свѣтѣ. Арабское толкованіе (у Г. 17) объясняетъ слово «зимметъ» какъ «право, обязательство, безопасность [v-al-amān]» и подъ «эгхль-уз-зимметъ» разумѣетъ такихъ лицъ, которыя имѣютъ обязательство въ отношеніи къ мусульманамъ и пользуются «аманомъ», «безопасностью» со стороны послѣднихъ. Въ виду этого, кажется, нужно признать, что зимми имѣютъ не только обязанности, но и права и что идея гарантіи, защиты, кліентелы, входитъ въ содержаніе понятія «зимметъ».

свидѣтельство ихъ принимается: ее принуждаютъ принять исламъ, но не предають смерти въ случаѣ отказа“¹⁾). Кажется, законъ защищаетъ христіанина противъ клеветы его единовѣрцевъ или мусульманъ лишь въ томъ случаѣ, если число свидѣтелей противъ него недостаточно. Явись на судъ съ подобнымъ показаніемъ противъ христіанина не одинъ мусульманинъ, а два, три, пять,—ихъ свидѣтельство видимо имѣетъ законную силу: фактъ принятія христіаниномъ ислама считается доказаннымъ, и отвѣтчикъ разсматривается уже какъ ренегатъ, какъ „муртедъ“, который долженъ выбирать между исламомъ и смертію. Такимъ образомъ законъ принимаетъ христіанъ подъ покровительство противъ клеветы едилицъ, но не противъ клеветы общества. Это не сильная защита, но все же защита,—слабое ограниченіе средствъ пропаганды мухаммеданства, но все же ограниченіе.

Съ точки зрѣнія мусульманскаго положенія, что „всѣ кафіры—одинъ народъ“, для шеріата должно бы быть совсѣмъ безразлично, какую вѣру исповѣдуютъ зимми, и слѣдовательно законъ не долженъ бы полагать никакихъ ограниченій для распространенія христіанства между другими, немусульманскими вѣроисповѣданіями. Однако на практикѣ такое широкое обобщеніе „невѣрія“ бываетъ не всегда удобно, а потому и мухаммеданское право въ дѣйствительности знаетъ различіе между религіями кафіровъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣняетъ его къ дѣлу. Таково напр. правило, что „идолопоклонники не могутъ быть проданы невѣрнымъ, потому что они предназначены принять исламъ; а потому ихъ, равно какъ несовершеннолѣтнихъ рабовъ еврейской и христіанской религіи, сперва угрозами, а потомъ истязаніями принуждаютъ къ принятію ислама“²⁾). Очевидно мусульмане вовсе не желаютъ видѣть христіанскихъ дѣятелей на томъ полѣ, гдѣ сами надѣются собрать

---

¹⁾ Г. 51.52.

²⁾ Г. 50.

обильную жатву. Другой законъ, гдѣ примѣняется вѣроисповѣдное различіе, разрѣшаетъ вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ зимми. „Малолѣтнія дѣти слѣдуютъ вѣрѣ того изъ родителей, религія котораго считается менѣе дурною, полагая еврейскую и христіанскую религіи не столь дурными, какъ идолопоклонство и огнепоклонство, а еврейскую—менѣе дурной, чѣмъ христіанская; потому что спорный пунктъ между евреями и мусульманами есть ученіе о пророкахъ, тогда какъ различіе между христіанствомъ и исламомъ касается Божества“¹⁾.

Ограничивая свободу публичнаго обнаруженія христіанскаго вѣроисповѣданія, законовѣды съ незначительными варіаціями повторяютъ условія договора съ Омаромъ. „Христіане не должны выносить изъ своихъ церквей ни крестовъ, ни иконъ, ни читать священныя книги на рынкахъ мусульманъ. Если же при чтеніи псалмовъ или Евангелія они возвысятъ голосъ, то имъ запрещается чтеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о многобожіи. Христіане, находясь въ мусульманскомъ городѣ, не имѣютъ права ни бить въ накусъ (бело) въ своихъ жилищахъ, ни собирать въ нихъ своихъ единовѣрцевъ для молитвеннаго служенія. Они могутъ только одни молиться въ домахъ своихъ“²⁾. Различіе этихъ положеній отъ Омаровыхъ, можетъ быть, нужно отнести на счетъ неточности выраженія. Если же оно преднамѣренно, то оно состоитъ въ слѣдующемъ: Омаръ запрещаетъ бить въ накусы громко въ церквахъ; законовѣды—употребленіе накусовъ въ частныхъ жилищахъ. Запрещеніе богослужебныхъ собраній въ частныхъ домахъ Омаромъ не предусмотрено. Юристы опускаютъ Омаровъ запретъ—выставлять на храмахъ кресты. Наконецъ Омаръ громкое чтеніе характери-

---

¹⁾ Г. 45. Впрочемъ, это сходство съ мухаммеданствомъ далеко не всегда обезпечиваетъ данной религіи благоволеніе мусульманъ. Напр. персы шииты—мусульмане; однако же одинъ турецкій шейх-уль-исламъ не затруднился дать такую сѣтву: убить во славу ислама одного перса—дѣло гораздо болѣе угодное Богу, чѣмъ убить семьдесятъ христіанъ. LncI. 681.

²⁾ Г. 36 (изъ Tahtâwi, комментарія на Durr-ul-muhtar). Ср. «Хр. Чт.» 1882, № 1—2, 171.

стичныхъ догматическихъ мѣсть запрещаетъ лишь въ присутствіи мусульманъ, юристы повидимому—безусловно.

Нужно думать, что и мусульманскіе законовѣды предполагаютъ, какъ само собою разумѣющееся, что мухаммедаде имѣютъ право входить въ христіанскія церкви. Омаръ это право выговорилъ весьма ясно. „Мы, — говорятъ христіане, — не воспрепятствуемъ входу мусульманъ днемъ и ночью въ наши церкви; мы расширимъ ихъ двери для проходящихъ и путниковъ“. Съ этимъ любопытно сопоставить мнѣнія мусульманскихъ правовѣдовъ о томъ, могутъ ли христіане входить въ мечети, тѣмъ болѣе, что на этомъ вопросѣ выпукло обрисовывается различіе направленій четырехъ школъ мухаммеданскаго правовѣденія. Ханефиты утверждаютъ, что „зимми дозволяется входить въ мечеть, но только бокомъ, въ противоположность мусульманамъ, и это дозволеніе не зависитъ отъ разрѣшенія мусульманъ“. Шафѣи говоритъ, что невѣрные не могутъ входить въ мечеть иначе какъ съ разрѣшенія имама. Маликъ и Ахмедъ запрещаютъ невѣрнымъ входить въ мечеть въ какомъ-бы то ни было случаѣ ¹⁾. Селиться въ священнѣхъ городахъ Меккѣ и Мединѣ зимми не имѣютъ права, даже по торговымъ дѣламъ имъ дозволяется проживать здѣсь не болѣе трехъ дней. Входить въ каабу невѣрнымъ запрещенъ безусловно ²⁾.

Уже Омаръ заставилъ христіанъ сказать: „Мы обязываемся не строить ни въ своихъ городахъ, ни въ ихъ окрестностяхъ, монастырей, церквей, часовенъ и отшельническихъ обителей; мы не возобновимъ тѣхъ изъ нихъ, которые разрушились, и не исправимъ тѣхъ, которые находятся въ кварталахъ мусульманъ“ ³⁾. Это опредѣленіе въ мухаммеданскомъ правѣ развивается въ такіа положенія: „Воспрещается зимми строить въ дар-уль-исламѣ новыя церкви, синагоги, отшельническія обители, храмы огня, устраивать

---

¹⁾ Г. 36.

²⁾ Г. 37.

³⁾ Г. 68.

новья кладбища и воздвигать идола. Запрещеніе это касается только городовъ. Церкви, разрушившіяся отъ времени, а не по приказанію имама, могутъ быть возобновляемы въ томъ же видѣ, въ тѣхъ же разиѣрахъ и изъ тѣхъ же матеріаловъ. Что же касается древнихъ церквей, то въ земляхъ, завоеванныхъ силою оружія, онѣ обращаются въ жилища, а въ земляхъ, приобретенныхъ по мирному договору, остаются мѣстами поклоненія¹⁾. „Домъ зимми, обращенный имъ при жизни въ церковь, синагогу или храмъ огня, постунаетъ по его смерти въ наслѣдство (т. е. въ собственность его наслѣдниковъ), потому что подобный предметъ, по мнѣнію абу-Ханифы, подобенъ вакфу²⁾, не внесенному въ списокъ, по мнѣнію же двухъ его учениковъ, потому что подобное дѣйствіе противозаконно. Такой домъ не можетъ быть уподобленъ мечети, потому что невѣрные живутъ въ немъ и погребаютъ своихъ мертвыхъ, такъ что если бы мечеть была подобнаго рода, то она непременно обращалась бы въ наслѣдство, потому что она не посвящена исключительно Богу.—Если зимми завѣщаетъ построить изъ своего дома церковь или синагогу въ пользу извѣстныхъ лицъ, то исполненіе подобнаго завѣщанія дозволяется изъ одной трети имущества, которое обращается въ собственность означенныхъ лицъ. Если же онъ завѣщаетъ обратить домъ на построеніе церкви или синагоги въ селеніи въ пользу лицъ неопредѣленныхъ, то, по мнѣнію абу-Ханифы, его завѣщаніе законно, а по мнѣнію двухъ учениковъ его — не законно. Завѣщаніе же касательно построенія церкви или синагоги въ городѣ, по единогласному мнѣнію законовѣдовъ, не дозволяется“³⁾.

Такимъ образомъ въ шеріатѣ проходитъ ясное стремленіе — вытѣснить христіанъ изъ городовъ и низвести ихъ до скромнаго

---

¹⁾ Г. 34 35.

²⁾ «Вакфъ» — предметъ, посвященный Богу; надъ вакфомъ, потому, люди могутъ имѣть только право *владѣнія* (пользованія имъ), но не *собственности*. Г. 17.

³⁾ Г. 47.

положенія деревенскаго населенія. На основаніи всѣхъ приведенныхъ правилъ можно составить такое общее представленіе о жизни христіанъ подъ мусульманскимъ владычествомъ: тихо въ полной покорности своимъ властителямъ ведутъ они свое существованіе, и тѣмъ большимъ ограниченіямъ подвергаются они въ своихъ религіозныхъ правахъ, чѣмъ значительнѣе ихъ политическое положеніе, чѣмъ опаснѣе они для мусульманъ ¹⁾. Въ деревнѣ христіане могутъ дышать относительно свободно, могутъ существовать и развиваться. Въ городахъ они могутъ лишь влачить свое существованіе какъ живой памятникъ былаго, во всемъ ограниченны своими прошедшимъ, къ нему привязанны, безъ надежды на что либо въ будущемъ, безъ права увеличить хоть на одну сажень пространство своихъ храмовъ. А населеніе странъ, энергичною борьбою противъ завоевателей заявившихъ свою живучесть, отрывается даже отъ этого прошедшаго. О пропагандѣ своей вѣры между мусульманами зимми не должны и мечтать; напротивъ они скромно уступаютъ свое мѣсто на всякомъ миссіонерскомъ полѣ, гдѣ только мусульманамъ угодно проявить свою дѣятельность.

При такихъ условіяхъ существованія зимми положеніе ислама достаточно обезпечено противъ посягательствъ на него со стороны другихъ вѣроисповѣданій. Уже одно то, что христіанинъ не имѣетъ права обратить „правовѣрнаго“ въ свою вѣру, дѣлаетъ и проповѣдь и полемику съ исламомъ по меньшей мѣрѣ безцѣльными. Но шеріатъ идетъ дальше этого: законовѣды желали бы сдѣлать эту по-

---

¹⁾ Истолковывая въ этомъ смыслѣ названную тенденцію мухаммеданскаго законодательства, мы опираемся на прямое свидѣтельство другихъ аналогичныхъ постановленій. Напр., «зимми не имѣютъ права покупать дома въ городахъ»; въ случаѣ же покупки ихъ принуждають продать дома мусульманамъ. По мнѣнію другихъ законовѣдовъ, подобное присужденіе умѣстно лишь тогда, когда вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія ихъ населенія около мечетей, «угрожаетъ опасность молитвеннымъ собраніямъ мусульманъ, которыя могутъ отъ того уменьшиться». «Зимми дозволяется жить (въ городахъ) между мусульманами, даже въ особенномъ кварталѣ, если они живутъ въ униженіи («манчатъ»), не имѣя никакой силы; въ противномъ случаѣ имъ приказываютъ выселиться въ селенія, въ которыхъ нѣтъ мусульманъ». Г. 37.

лемику физически невозможно. По идеѣ этого законодательства христіанинъ не можетъ даже ознакомиться съ содержаніемъ мусульманскаго вѣрученія. „Мы не будемъ учить дѣтей своихъ аль-корану“, сказано въ договорѣ съ Омаромъ. Покупку этой книги христіаниномъ юристы признаютъ незаконною, а Маликъ распространяетъ этотъ запретъ даже на сочиненія по юриспруденціи ¹⁾. Кромѣ того, при утрированной чуткости законовѣдовъ ко всему „оскорбительному“ для ислама, полемика съ нимъ, даже въ строго научныхъ границахъ и при самой деликатной сдержанности, является весьма опаснымъ дѣломъ. Ханефитское законодательство говоритъ: „Зимми, произнесшій хулу противъ ислама, аль-корана или пророка, подвергается исправительному наказанію“. Впрочемъ другіе законовѣды, какъ Айни, Ихтіяри, ибн-Гаммамъ, Шафѣи, присуждаютъ къ смерти зимми, обыкновенно или явно произносящаго хулу противъ пророковъ (sic, пророка?) ²⁾. А выясняя, что нужно считать „оскорбительнымъ“, мусульманскіе авторитеты договариваются до положеній столько же опасныхъ своею неопредѣленностью, сколько и жестокихъ по опредѣленности. Ахмедъ, напр., полагаетъ, что зимми „нарушаетъ договоръ“, т. е. ставить себя внѣ покровительства закона, „всякимъ дѣйствіемъ, унижающимъ исламъ“, напр. „упомяваніемъ имени Бога, святой Его книги, правой вѣры и имени пророка въ выраженіяхъ неприличныхъ“. А Маликъ говоритъ прямо, что зимми „нарушаетъ договоръ“, если „оскорбитъ пророка даже такими выраженіями, которыя, по его убѣжденію, не заключаютъ въ себѣ ничего дурнаго“, напр. если онъ скажетъ: „Мухаммедъ не пророкъ“, или „Мухаммедъ не посланникъ Божій“, или: „аль-коранъ есть произведеніе Мухаммеда“. И за такое преступленіе Маликъ осуждаетъ зимми на смерть, если онъ не предпочтетъ принять исламъ. Въ виду такого пониманія знаменитыхъ законовѣдовъ совершенно неожиданно встрѣтить въ мусульманскихъ сборникахъ человѣчное и

---

¹⁾ Г. 51.

²⁾ Г. 39.

здоровое разсужденіе шейха Шагина, который умѣетъ различать между такими неблагопріятными отзывами зимми объ исламѣ, въ которыхъ выражается лишь сущность ихъ вѣроисповѣднаго отличія отъ мусульманъ, и такими, которые явно придуманы для оскорбленія послѣднихъ. „Если зимми,—говоритъ Шагинъ,—произнесетъ хулу противъ пророка Мухаммеда согласно съ своими вѣрованіями, какъ напр. если онъ скажетъ: „Мухаммедъ не пророкъ“ или: „Мухаммедъ лжець“: то договоръ не нарушенъ. Если же хула будетъ противна его вѣрованіямъ, какъ напр. если онъ скажетъ: „Пророкъ родился отъ прелюбодѣянiя“; то договоръ считается нарушеннымъ“¹⁾. Такимъ образомъ на этомъ важномъ пунктѣ мусульманское право страдаетъ разногласіемъ, и есть примѣры, что на практикѣ мусульмане слѣдовали не Шагину, а Малику.

Таковы средства самозащиты ислама противъ другихъ религій. А изъ наступательныхъ его мѣръ самую сильною представляется дозволеніе—переходомъ въ исламъ покрывать различныя противозаконныя дѣянiя. Человѣкъ, совершившій недозволенную закономъ торговую сдѣлку, или вступившій въ противозаконный бракъ, легализировалъ свое дѣянiе, принимая исламъ. Одна изъ тяжущихся сторонъ могла „отвести“ опаснаго для нея свидѣтеля—зимми, переходя въ мухаммеданство прежде, чѣмъ „кади“ (судья) постановилъ рѣшеніе²⁾. Наконецъ убійца, приговоренный уже къ извѣстному наказанію, избѣгалъ кары закона, принимая исламъ³⁾. Всѣ эти льготы, допущенныя закономъ, равносильны прямому вызову, обращенному къ наименѣе устойчивымъ нравственно слоямъ иновѣрцевъ. Конечно посредствомъ такого нравственнаго давленія исламъ уси-

---

¹⁾ Г. 38.39.

²⁾ Это — естественное слѣдствіе того взгляда мусульманскихъ законовѣдовъ, что свидѣтельство зимми противъ мусульмана не имѣетъ силы. Ревегагъ становился мухаммеданиномъ и, eo ipso, самъ подводилъ себя подъ охрану этого общаго правила.

³⁾ Г. 36.50.51.

ливалъ свои ряды конвертитами весьма не высокой нравственной пробы, и польза для него отъ такихъ ренегатовъ далеко не безспорна. Но для христіанскаго общества, даже для лучшихъ слоевъ его, эти законы были вредны тѣмъ, что правосудіе наталкивали на несвойственный ему путь пропаганды ислама и какого нибудь фанатика кади ставили въ сильное искушеніе—судить вопреки правдѣ, но въ интересахъ ислама: кади могъ имѣть свои виды именно на самыхъ почтенныхъ христіанъ — подсудимыхъ и намѣренно направлять дѣло противъ нихъ въ надеждѣ вовлечь ихъ въ мухаммеданство. Нравственно утвердившіеся христіане конечно выходили изъ этого искушенія побѣдителями, но въ то же время жертвами судебной несправедливости.

Отиѣтимъ наконецъ мнѣніе Малика, что незаконна продажа всякаго предмета, изъ котораго христіане предполагаютъ сдѣлать религиозное употребленіе: нельзя продать ни дерева на кресты, ни мѣди на колокола, ни дома, если христіане предполагаютъ обратить его въ церковь ¹⁾. А жертвовать въ пользу христіанъ, если только они пожертвованнымъ думаютъ воспользоваться для богослуженія, не позволяютъ мусульманамъ, кажется, и ханэфиты ²⁾.

Основной тонъ, въ какомъ построены отношенія зимми къ мусульманамъ, данъ въ изреченіи Мухаммеда: „не бываетъ тому, чтобы Богъ невѣрнымъ далъ успѣхъ противъ вѣрующихъ!“ ³⁾. Отсюда юристы вывели общее положеніе: „не имѣетъ власти кафиръ надъ муслимомъ“, и обставили жизнь зимми такъ, что они должны сознавать и свою разность отъ мусульманъ и свою приниженность предъ ними („манаатъ“). Эта разность даетъ себя чувствовать во множествѣ обыденныхъ житейскихъ отношеній, потому что законодатели дали себѣ трудъ выставить рядъ предписаній даже весьма мелочныхъ.

¹⁾ Г. 51.

²⁾ Г. 52.

³⁾ С. 4, 140. См. Хр. Чт. 1882, I, 168.

Уже Омаръ выставилъ требованіе, чтобы христіане не носили ни оружія, ни одинаковой съ мусульманами одежды и не употребляли при верховой ѣздѣ сѣдла одинаковыхъ съ мусульманами. Мухаммеданскіе законовѣды удержали эти требованія, а послѣднее даже усилили, запретивъ христіанамъ употреблять лошадей. А позднѣйшіе юристы договорились до запрещенія ѣздить на какомъ бы то ни было животномъ. Во всякомъ случаѣ, если по болѣзни или другой важной причинѣ зимми ѣдетъ на ослѣ, то онъ обязанъ слѣзть съ него, проѣзжая мимо собравшихся мусульманъ. Дома зимми должны отличаться отъ мусульманскихъ ¹⁾ особымъ значкомъ: иначе какойнибудь нищій муслимъ по ошибкѣ попроситъ милостыни и призоветъ на нихъ благословеніе Божіе ²⁾. Строить свои дома выше мусульманскихъ зимми не имѣютъ права. Имъ запрещено также проходить съ правой стороны улемовъ (мусульманскихъ ученыхъ) и шерифовъ (потомковъ Али, зятя Мухаммеда): въ этомъ поступкѣ законъ видитъ намѣреніе зимми—унизить высокопоставленныхъ мусульманъ ³⁾. Даже въ своемъ собственномъ домѣ зимми не имѣютъ права сидѣть, если въ ихъ присутствіи стоятъ мухаммеданцы. Въ свою очередь мусульмане обязаны на дорогѣ или улицѣ тѣснить проходящихъ зимми, не давая имъ идти по срединѣ дороги. Вообще „мусульмане не должны оказывать невѣрнымъ знаковъ уваженія“, „не должны подавать имъ руки“, и „только въ случаѣ нужды дозволяется имъ привѣтствовать невѣрныхъ“. Впрочемъ на привѣтствіе зимми „миръ тебѣ!“ („селямъ алейка!“) и муслимъ должно отвѣтить обычнымъ „ве алейка!“ „и надъ тобой!“ „Если муслимъ,—говорится въ комментаріи на „Выбранныя перлы“, — оказалъ зимми услугу или знакъ уваженія тѣмъ, что всталъ при его входѣ, не изъ корыстной цѣли и не изъ желанія склонить невѣрнаго къ принятію ислама; то подобный поступокъ является невѣрію“. И конечно нужно считать своего рода любез-

¹⁾ Г. 35.

²⁾ Г. 36.

³⁾ Г. 37.38.

ностью данное въ томъ же комментарий разрѣшеніе мусульманамъ посѣщать своихъ сосѣдей зимми и приглашать ихъ къ себѣ ¹⁾).

Исходя изъ положенія: „кафиръ не имѣетъ власти надъ муслимомъ“, мусульманское законодательство отрицаетъ за иновѣрцемъ право занимать какое либо общественное положеніе, которое ставило бы мусульманъ въ юридическую зависимость отъ него. Такъ зимми не имѣетъ права занимать должности секретаря („бятибъ“) или дѣлопроизводителя („мубаширъ“), не можетъ покупать рабовъ мусульманъ, не имѣетъ права быть опекуномъ надъ муслимомъ ²⁾. Наемъ мусульманъ въ услуженіе иновѣрцамъ дозволенъ закономъ, но все же считается достойнымъ порицанія ³⁾. Но самый любопытный и вредный для христіанъ выводъ изъ вышеприведеннаго общаго правила представляетъ запрещеніе принимать на судѣ свидѣтельство зимми противъ мусульманъ ⁴⁾. Поэтому при всякомъ случаѣ столкновенія съ мусульманами обиженный христіанинъ можетъ только тогда рассчитывать на покровительство закона, когда можетъ представить свидѣтелей мусульманъ. Напротивъ, представляя онъ хоть сотню свидѣтелей христіанъ, самый фактъ обиды считается недоказаннымъ. Свообразная природа этого ограниченія гражданскихъ правъ христіанъ состоитъ въ томъ, что во всѣхъ другихъ случаяхъ притѣсненія христіанъ имѣютъ характеръ несправедливости и могутъ быть устранены обращеніемъ къ закону, или они узаконены и слѣдовательно опредѣлены, или даже въ случаѣ неопредѣленности закона право толкованія предоставлено всеже власти имѣющимъ; напротивъ въ данномъ случаѣ законъ рѣшительно оставляетъ христіанъ на произволъ мусульманскаго общества, или точнѣе—худшихъ слоевъ его, наиболѣе расположенныхъ злоупотреблять закономъ, — и такимъ

---

¹⁾ Г. 35,36.

²⁾ Впрочемъ это послѣднее ограниченіе осложняется понятіемъ о разности вѣръ: законъ и за «правовѣрнымъ» не признаетъ права опекуства надъ невѣрнымъ, если это не его рабъ или подданный.

³⁾ Г. 35. 46. 54.

⁴⁾ Г. 49—51.

образом отказывается гарантировать зимми против множества случайностей.—Сами мыслящіе мусульмане чувствовали нелѣзность этой привилегіи. „Какъ много деревень, писалъ Газзали, гдѣ есть только одинъ врачъ, и тотъ—христіанинъ или еврей! Однако же, по юридическому принципу, свидѣтельство этого христіанина или еврея не имѣетъ законной силы даже въ вопросахъ судебной медицины ¹⁾!“ Не смотря на подобныя неудобства, мусульмане стойко держались этой привилегіи ²⁾.

¹⁾ Пг. 205.

²⁾ Шеріатъ принимаетъ лишь «косвенное» («тебанъ») и «необходимое» («даруретанъ») свидѣтельство зимми относительно мусульманъ. Напр. мухаммеданинъ можетъ быть заинтересованъ въ исходѣ дѣла его уполномоченнаго или раба христіанина. Христіане имѣютъ право свидѣтельствовать противъ этого послѣдняго, и ихъ свидѣтельство можетъ «косвенно», но весьма чувствительно отозваться и на томъ мухаммеданинѣ. Съ другой стороны мусульмане сами могутъ подвести себя подъ дѣйствіе свидѣтельства христіанъ. Христіанинъ А взыскиваетъ съ муслима В. известную сумму денегъ, которую В долженъ умершему христіану В.—А утверждаетъ, что онъ, А,—сынъ этого В, или что В назначилъ его, А, своимъ наследникомъ въ завѣщаніи. В не отвергаетъ того, что онъ былъ долженъ В, но оспариваетъ лишь то, что А—сынъ или наследникъ В.—Христіане Г, Д, Е, не скажутъ ни одного слова противъ муслима В, они лишь засвидѣтельствуютъ, что истецъ А показалъ о своихъ отношеніяхъ къ В. сущую правду, и въ силу ихъ свидѣтельства В долженъ будетъ «по необходимости» уплатить истцу свой долгъ, дѣйствительности котораго онъ, В, не оспаривалъ. Впрочемъ шеріатъ не принимаетъ свидѣтельства христіанъ даже противъ христіанина, если оно въ то же время отразится слишкомъ тяжелыми сльдствіями на муслима. Христіане А и Б обвиняютъ христіанина В въ преступленіи, которое влечетъ за собою смертную казнь и въ которомъ муслима Г былъ необходимымъ сообщникомъ В. Свидѣтельство А и Б не принимается. Но они дополняютъ свое показаніе чертою, по которой Г является уже невмѣняемымъ и казнить слѣдуетъ только В. Такое свидѣтельство А и Б имѣетъ законную силу. Справедливость требуетъ прибавить, что подобнаго рода непоследовательность шеріатъ допускаетъ и въ пользу христіанъ. См. стр. 361. Христіане А и Б, или муслима В показываютъ, что христіанинъ Г принялъ исламъ. Но Г объ исламѣ и слышать не хочетъ. Приходилось бы осудить Г на смерть, но шеріатъ предпочитаетъ не принимать въ данномъ случаѣ свидѣтельскихъ показаній. Тѣ же христіане А и Б показываютъ то же самое о христіанкѣ В. Большой бяды отъ ихъ свидѣтельства не выйдетъ: христіанку В во всякомъ случаѣ нельзя предать смерти,—и шеріатъ принимаетъ свидѣтельское показаніе.

Нѣкоторыя другія распоряженія касательно гражданскаго положенія зимми составляютъ выводъ изъ понятія о разности вѣры. Такъ напр. невѣрный не можетъ наследовать муслиму. Къ чести мухаммеданскихъ законовѣдовъ, они въ данномъ случаѣ настолько послѣдовательны, что придаютъ законную силу и обратному выводу изъ этого начала: и муслимъ не можетъ наследовать невѣрному¹⁾. Но если умершій зимми не оставилъ наследниковъ, то его имущество поступаетъ въ казну („бейтъ-уль-маль“) ²⁾. Важнѣе примѣненіе этого начала къ двумъ главнымъ религіямъ эхль-уз-зиммета, христіанской и еврейской. Прогрессивный абу-Ханифѣ на этомъ пунктѣ держится самаго строгаго воззрѣнія: „всѣ кафирны—одинъ народъ“. Поэтому христіанъ и евреевъ онъ въ правовомъ смыслѣ считаетъ послѣдователями одной вѣры. Отсюда слѣдуютъ выводы: христіанинъ можетъ свидѣтельствовать на судѣ противъ еврея и еврей противъ христіанина; христіанинъ можетъ быть наследникомъ еврея и еврей у христіанина; но зато между ними устанавливается и круговая порука: они отвѣчаютъ другъ за друга въ случаѣ убійства.—Напротивъ консервативные Маликъ и Ахмедъ (кажется и Шафѣи тоже) признаютъ христіанъ и евреевъ за два вѣроисповѣданія; поэтому ни христіанинъ не имѣетъ права свидѣтельствовать противъ еврея, ни еврей противъ христіанина; христіанинъ не наследуетъ еврея и еврей христіанину³⁾. Но отвергаютъ ли эти имамы и круговую поруку христіанъ и евреевъ? Вѣроятно; но положительнаго свидѣтельства объ этомъ мы не имѣемъ подъ рукою.

Весьма чувствительно неравенство зимми съ мусульманами и въ сферѣ экономическихъ отношеній.

Прежде всего зимми платятъ „джизье“ и „хараджъ“. „Джизье“—это та самая подать, которая въ Турціи приобрѣла громкую извѣстность подъ названіемъ „хараджа“. Слово „джизье“ значитъ „воздаяніе“, „выкупъ“, „замѣнъ“. Смыслъ этого налога слѣдующій.

---

¹⁾ Г. 48.

²⁾ Г. 30.31.

³⁾ Г. 36.48.49.50.

Въ принципѣ исламъ не признаетъ права на жизнь за кафирами вообще и за тѣми изъ нихъ въ особенности, которые покорены силою оружія. Этихъ иновѣрцевъ слѣдовало бы собственно перебить. Однако мусульманамъ позволено замѣнить это избіеніе данью. Невѣрные и платятъ этотъ выкупъ за свою жизнь: „джизье“ ¹⁾. Такимъ образомъ это плата „за право носить на плечахъ голову“ ²⁾. Изъ такого смысла этой подати слѣдуетъ тотъ дальнѣйшій выводъ, что отъ ея взноса освобождаются тѣ лица, которыхъ запрещено убивать во время священной войны: женщины, дѣти, дряхлые старики, калѣки, слѣпцы, рабы невѣрныхъ, бѣдные, не имѣющіе средствъ свискивать трудомъ пропитаніе ³⁾, и монахи-отшельники. Со священниковъ и монаховъ, имѣющихъ сношенія съ міромъ, ханэфиты полагаютъ брать „джизье“, если они могутъ трудиться, Мухаммедъ [эш-Шафѣи?] напротивъ освобождаетъ ихъ отъ этой подати ⁴⁾.

Количество „джизье“ законовѣды опредѣляютъ не одинаково. Если кафиры присоединились къ „дар-уль-исламу“ по мирному договору, то „джизье“ взимается съ нихъ всегда въ размѣрѣ условленномъ въ самомъ договорѣ. А съ зимми, покоренныхъ силою оружія, ханэфиты предполагаютъ брать „джизье“ въ такомъ количествѣ (допуская разсрочку помѣсячно):

---

¹⁾ Г. 26.

²⁾ Хр. Чт. 1882, I, 713.

³⁾ Ср. стр. 357, гдѣ о рабахъ и бѣдныхъ нѣтъ рѣчи. Для того, чтобы составить себѣ представленіе о широтѣ границъ для мусульманскаго юридическаго пробабиллизма, любопытны колебанія Шафѣи, который выставилъ одинъ четыре мнѣнія о „джизье“ съ бѣдныхъ. «Не брать, если они не могутъ жить своимъ трудомъ», рѣшилъ абу-Ханифѣ. Къ этому мнѣнію примкнули Маликъ и Ахмедъ; примкнулъ и Шафѣи. Но сверхъ этого Шафѣи рекомендуетъ являть такого немущаго изъ «дар-уль-ислама»; отсрочить ему взносъ до тѣхъ поръ, пока улучшится его состояніе, и потому считать кровь его священою; поступить съ нимъ какъ со врагомъ, если онъ не внесетъ «джизье» по прошествіи года,—что едва ли обѣщаетъ бѣдняку что-нибудь другое кромѣ смертной казни.

⁴⁾ Г. 28,29.

съ богатыхъ (т. е. владѣющихъ капиталомъ въ 10,000 дир-гемовъ, т. е. 2,300 р. зол.) въ годъ 48 диргемовъ (11 р. 20 к. зол.)

съ достаточныхъ (съ ка-
питаломъ болѣе 200 дирге-
мовъ, т. е. 46 р. зол.) . . „ 24 „ (5 „ 60 „ „)

съ бѣдныхъ, живущихъ
собственнымъ трудомъ (съ ка-
питаломъ менѣе 200 дир-
гемовъ, т. е. 46 р. з.) . . „ 12 „ (2 „ 80 „ „)

„Справедливѣе же, — кончаютъ ханэфиты, — руководствоваться
обычаемъ страны“.

Маликъ рѣшаетъ, что болѣе 4 динаровъ (т. е. 14 р. з.) нельзя брать и съ богатаго, а бѣдные платятъ сколько могутъ ¹⁾. Шафѣи назначаетъ дживье въ одинъ динаръ (3 р. 50 к. з.) и съ бога-
таго и съ бѣднаго. Ахмедъ высказываетъ три мнѣнія: онъ согласенъ съ абу-Ханифѣ; онъ полагаетъ, что нельзя взять меньше того, что назначилъ абу-Ханифѣ, но можно взять больше этого; наконецъ онъ все отдаетъ на усмотрѣнiе имама ²⁾.

Такимъ образомъ размѣръ „дживье“ колеблется между 14 р. з. и 2 р. 80 к. з. ³⁾.

Церемонiя платы „дживье“ вполне отвѣчаетъ унизительному смыслу этой подати. „Дживье“ уплачиваетъ каждый зимми лично, а не чрезъ уполномоченнаго. Онъ платитъ стоя; а мусульманскiй сборщикъ сидитъ и, принимая подать, говоритъ: „заплати дживье,

1) Г. 27: «40 диргемовъ или 4 динара». Если цифру «40 диргемовъ» нужно считать основною, то «дживье» = 9 р. 30 к. з. Ср. стр. 357, прим. 1.

2) Г. 27.

3) Ср. прим. 357 стр. Изъ него читатель усмотритъ, что мы поставили высшую условную цѣнность для диргема. Напротивъ, принимая отношенiе: 1 динаръ = 10 диргемамъ, 1 диргемъ = 15,7 к. сер., мы получимъ для «дживье» цифры отъ 7 р. 44 к. сер. до 1 р. 57 к. сер.. Поэтому можно сказать, что высшая норма «дживье» — не болѣе 14 р. з., а низшая — не болѣе 2 р. 80 к. з.. По Нг. 265, въ Иракъ (Персiя) богатые зимми платили дживье въ 4 динара, достаточные — 2, бѣдные — 1 динаръ. Въ Египтѣ всѣ зимми вносили по 2 динара.

о врагъ единого Бога!“ и затѣмъ ударяеть его по шеѣ. Но запрещается говорить ему: „о невѣрный!“ потому что это грѣшно ¹⁾).

Другая подать, которую платять зимми, называется „хараджъ“. Буквально „хараджъ“ значить „все что раждается, какъ произведеніи земли, такъ и дѣти мужескаго пола“; такимъ образомъ хараджъ есть подать, „взимаемая имамомъ съ земли и людей“ ²⁾). Но мусульманское право усвоило этому названію первое значеніе. „Джизье“ есть налогъ поголовный, „хараджъ“ — поземельный; „джизье“ зимми платить за то, что ему оставили жизнь, „хараджъ“. Обязательство платить „хараджъ“ законъ считаетъ до такой степени существеннымъ, что если султанъ или его намѣстникъ подарить „хараджъ“ плательщику, то онъ все-таки не можетъ употребить его на свои нужды, если не принадлежитъ въ числу лицъ, получающихъ содержаніе изъ казны, а обязанъ раздать этотъ подарокъ нищимъ ³⁾). Тѣмъ не менѣе „хараджъ“ характеризуетъ собственно землю, которую владѣеть зимми; она называется „хараджною“, въ отличіе отъ мусульманской „десятинной“, — а не самого зимми, и въ этомъ отличіе „хараджа“ отъ „джизье“. Лишь только зимми измѣняетъ своей вѣрѣ и переходитъ въ исламъ, съ него снимается обязанность платить „джизье“; освобождается онъ и отъ чрезвычайныхъ поборовъ, которые мусульманскіе государи по временамъ налагають на зимми, и отъ обязанности три дни оказывать гостепріимство находящемуся въ пути муслиму ⁴⁾). Но этотъ новообращенный мухаммеданинъ продолжаетъ по прежнему платить „хараджъ“, если онъ продолжаетъ пользоваться своею землею. Даже природный муслимъ, покупая „хараджную землю“, принимаетъ ео ірсо на себя обязанность—тоже платить „хараджъ“ ⁵⁾). „Хараджъ“ бываетъ двухъ родовъ: „ха-

¹⁾ Г. 34.

²⁾ Г. 20.

³⁾ Г. 24.

⁴⁾ Г. 29.

⁵⁾ Г. 24.20.17. Вопросъ о характерѣ земли разъ навсегда рѣшается немедленно по завоеваніи страны. Государь побѣдитель или оставляетъ землю

раджъ вазыфъ“ или „муваззафъ“, т. е. опредѣленный, и „хараджъ мукасемъ“, т. е. пропорціональный. Единицею обложенія въ хараджъ опредѣленномъ является извѣстная площадь пахатной земли, въ пропорціональномъ—самые продукты. Въ первомъ случаѣ султанъ не рискуеть ни чѣмъ: онъ получаетъ напередъ опредѣленную цифру; въ послѣднемъ случаѣ цифра налога, представляя извѣстный процентъ съ ежегоднаго сбора, колеблется, смотря по урожаю. „Хараджъ опредѣленный“ зимми платить за право пользованія извѣстнымъ участкомъ земли: если бы онъ собралъ въ одинъ годъ двѣ жатвы, это было бы его счастье, „хараджъ“ онъ платить только однажды въ годъ. Но если бы у этого зимми не родилось ни зерна, если бы онъ даже не засѣялъ своего поля, — султану до этого нѣтъ дѣла: зимми все-таки обязанъ платить свой налогъ,

---

въ рукахъ зимми или передаетъ ее мусульманамъ. Въ первомъ случаѣ земля объявляется «хараджною», во второмъ «десятиною». Вся область Иракъ-Араби (въ Персіи по Тигру) объявлена «хараджною», хотя «для мусульманъ приличнѣе платить десятину», и этотъ фактъ открываетъ передъ нами одну любопытную страницу изъ исторіи мухаммеданства и шеріата. Нр. 264 — 267. Основатель мусульманской государственности, калифъ Омаръ (634—643 г.), строжайшимъ образомъ проводилъ тотъ взглядъ, что ниодинъ муслимъ не долженъ имѣть поземельной собственности въ Аравіи. Омаръ безъ пощады кассировалъ купчія крѣпости своихъ намѣстниковъ, если они приобрѣтали себѣ помѣстья въ покоренныхъ земляхъ. Всѣ вновь приобретенныя владѣнія были объявлены, повтому, «хараджными» и оставлены въ рукахъ зимми. Подати съ послѣднихъ, вмѣстѣ съ «милостынею», т. е. десятиною съ мусульманскихъ земель въ Аравіи, и пятою частью военной добычи, поступали въ государственную кассу и отсюда дѣлились между мусульманами. «Мать вѣрующихъ», Аиша, получала ежегодную пенсію въ 12,000 диргемовъ, прочія вдовы «пророка»—по 10,000, его сподвижники при бедрской битвѣ — по 5,000, первые увѣровавшіе въ него въ Меккѣ и Мединѣ—по 4,000, ихъ дѣти—по 2,000, остальные мусульмане—отъ 600 до 200 диргемовъ. Но смерть Омара испровергла и его систему. Его преемникъ, Отманъ (643—656), позволилъ почетнымъ мусульманамъ приобрѣтать земли въ Савадѣ (Вавилоніи) и Египтѣ, и скоро Савадъ переполнился помѣстьями меккской аристократіи. Къ тому же каиры въ Персіи были не прочь принять исламъ, но никакъ не хотѣли разстаться съ своими поземельными владѣніями, къ чему обязывала ихъ система Омара. Такимъ образомъ и появилась «десятинные земли» за границами Аравіи, и строго запрещенное калифомъ Омаромъ оказалось вполне дозволеннымъ.

если только какаянибудь физическая причина (засуха или наводнение) не лишила его возможности воспользоваться данным участкомъ. Напротивъ зимми не платитъ „пропорціональнаго хараджа“, если у него ничего не родилось, или онъ не заѣвлялъ своего поля, но если онъ соберетъ двѣ жатвы, то и „хараджъ“ платитъ дважды. Онъ не имѣетъ права воспользоваться урожаемъ своего поля, пока „хараджъ“ не уплаченъ. Впрочемъ имамъ можетъ задержать произведенія земли даже для уплаты „хараджа опредѣленнаго“.

Повидимому, ханэфиты расположены думать, что съ одной и той же земли нельзя брать „хараджа опредѣленнаго“ и „пропорціональнаго“. Но Маликъ, Шафѣи и Ахмедъ, кажется, полагаютъ, что оба „хараджа“ взимаются одновременно съ той же земли ¹⁾).

Нормою „хараджа опредѣленнаго“ ханэфиты признаютъ постановленіе Омара, который, по завоеваніи Ираба, наложилъ на каждый джерибъ пахатной земли „хараджъ муваззафъ“ въ 1 диргемъ и 1 „саа“ съ посѣяннаго на немъ, т. е. постановилъ брать съ 1 десятины пшеницы 170 коп. зол. деньгами и 39,16 русск. фунтовъ пшеницы (6,19 гарнца) натурою ²⁾. Съ „дже-

---

¹⁾ Г. 24. Абу-Ханифэ не согласенъ съ тремя имамами собственно по вопросу о томъ, можно ли съ «хараджной земли» брать и «хараджъ» и десятину («ушрь»). Но «пропорціональный хараджъ» аналогиченъ съ мусульманскою десятиною.

²⁾ Г. 22. «Джерибъ» = 3,600 квадр. персидскихъ локтей. Это, кажется, — *coudée haschemique* у Q. II, 444, локоть, равный 0,641,666 миллиметрамъ = 2,1052 русск. «футамъ». Слѣдовательно «джерибъ» = 325,6 кв. саж., а 1 десятина = 7,3707 «джерибамъ». — Затѣмъ, по Г. 22, «саа» (или «кафизъ») = 8 рѣтлямъ иракскимъ. Но въ Q. II, 250, Sl. 164, ВМ. 236 вполне ясно, что «кафизъ» = 12 «саа» = 64 рѣтлямъ, и слѣдовательно у Г. 22 должна идти рѣчь не о «кафизѣ», а о «саа». — Ключъ ко всей арабской системѣ объемныхъ мѣръ, по Q. II, 191.194, даетъ болѣе другихъ точное извѣстіе Макризи, что «саа пророка», наполненное пшеницею, вѣсило 5¹/₃ (а не 8) иракскихъ «ротлей»; слѣдовательно «кафизъ» = 64 «ротля». Этогъ «ротля», по Q. II, 192, = 408 граммамъ (= 9181,9 долямъ = 0,9963 русск. фунт.). Въсѣ сирійской пшеницы Куэйпо (Q. II, 254) съ нѣкоторою вѣроятностью прина-

риба^а кормовыхъ травъ „хараджъ“ назначенъ въ 5 диргемовъ (8 р. 50 к. з. съ десятины), съ „джерриба“ виноградныхъ лозъ въ 10 диргемовъ (17 р. з. съ десятины). Ханэфиты полагають, что больше назначеннаго Омаромъ взять нельзя, а менѣе можно даже и въ томъ случаѣ, если зимми въ состояніи платить „хараджъ“ по нормѣ Омара; если же эта норма составляетъ большую половину всего дохода зимми, то „хараджъ“ слѣдуетъ уменьшить непремѣнно.—Маликъ оставляетъ вопросъ о размѣрѣ „хараджа“ на благоусмотрѣніе государя; Шафэи полагають, что онъ не имѣетъ права ни увеличить ни уменьшить „хараджа“, назначеннаго Омаромъ; Ахмедъ на этотъ счетъ имѣетъ три мнѣнія: онъ соглашается и съ Маликомъ и съ Шафэи и думаетъ наконецъ, что противъ нормы Омара позволительно „хараджъ“ увеличить, но нельзя уменьшить.

Что касается „хараджа пропорціональнаго“, то онъ не можетъ быть меньше $\frac{1}{3}$ и не долженъ быть больше половины урожая.

масть въ 79 килограммовъ гектолитръ (1 четверть—до 405 русск. фунтовъ). Такимъ образомъ «кафизъ» (по ВМ. 236 = ок. 30 литровъ), по Кувейпо = 26,112 килограмм. [= 63,763.2 русск. фунта] или 33,048 литра [= 10,076.2 гарлицевъ]. По извѣстію Кодамы (ВМ. 240), въ концѣ IX в. по Р. Хр. кафизъ пшеницы стоилъ около $\frac{2}{3}$ динара (= 10 диргемовъ). Предполагая, что такая же цѣна на хлѣбъ была и при Омарѣ, нужно заключить, что «хараджъ муваззафъ» Омара доходить до 315 коп. зол. съ десятины.—Другія свѣденія (ВМ. 242) представляютъ этотъ налогъ въ менѣе благоприятномъ для христіанъ видѣ. Ибн-Хордадбегъ говоритъ, что Омаръ наложилъ хараджъ въ 4 диргема на джеррибъ пшеницы [т. е. 688 коп. зол. съ десятины] и 2 диргема на джеррибъ ячменя. Это извѣстіе вполне совпадаетъ съ ученіемъ Шафэи (Г. 22.23). Тотъ же ибн-Хордадбегъ утверждаетъ, что общая цѣна поземельнаго налога на Савадъ при Омарѣ восходила до 20 милліоновъ диргемовъ, а общая цѣна платящихъ душъ—до 500,000, что даетъ въ среднемъ выводѣ уже налогъ въ 40 диргемовъ (933 коп. зол.) на голову.—Замѣтимъ въ заключеніе, что, пользуясь для вычисленія цифрами, данными у Г. 21.22, въ которыхъ вкралась опечатка, можно придти къ тому выводу, что налогъ въ 1 «саа» на «джеррибъ» равенъ налогу въ $68\frac{1}{3}$ русскіихъ фунтовъ пшеницы съ 1 десятины. Значительная разность между этою цифрою и тою, которая стоитъ въ текстѣ (39,16 ф.), и побудила насъ затронуть здѣсь такой далекой отъ нашей спеціальной задачи вопросъ, какъ арабская метрологія.

Наконецъ нужно сказать, что мухаммеданское право не знаетъ налога на другіе виды недвижимой собственности. Напримѣръ, съ домовъ и кладбищъ, хотя бы они принадлежали зимми, не взимается ничего. Даже такія естественныя богатства, какъ емоляные (асфальтовые?) и нефтяныя источники, не подлежатъ хараджу, на чьей бы землѣ они ни находились ¹⁾.

То же ограниченіе зимми въ матеріальномъ отношеніи проводится и въ мусульманскомъ торговомъ правѣ.

Основные черты этого права въ отношеніи къ мусульманамъ сводятся къ слѣдующему ²⁾.

Для развитія торговли весьма важно, чтобы дороги были безопасны отъ воровъ и разбойниковъ. Наблюдать за этою безопасностью государство поручаетъ извѣстнымъ лицамъ изъ свободныхъ мусульманъ, которые называются „десятинниками“ („аширъ“, *aschir*), потому что они на покрытіе издержекъ по охранѣ дорогъ собираютъ съ купцовъ торговую пошлину, извѣстную подъ общимъ (петочнымъ) названіемъ „десятины“ (ушръ, *uschr*).

Поэтому, когда дороги не безопасны, торговцы платятъ „десятину“ не обязаны.

„Десятина“ платится а) только одинъ разъ въ годъ, б) взимается со всей суммы торговаго оборотнаго капитала (не только съ провозимаго имущества, или „явнаго“ „мал-уз-загыръ“, но и съ оставшагося въ складѣ, или „тайнаго“, „мал-уль-батынъ“), но в) лишь въ томъ случаѣ, когда онъ достигаетъ извѣстной установленной закономъ цифры, „нысабъ“, т. е. единицы обложенія ³⁾;

---

¹⁾ Г. 26.

²⁾ Г. 31—34.

³⁾ „Нысабъ“ есть minimum имущества, такъ что если оно этой цифры не достигаетъ, оно уже не подлежитъ оплатѣ пошлиною. Minimum верблюдовъ есть 5 штукъ, быковъ—30, барановъ—40, серебра—20 диргемовъ, золота—20 мискалей. Г. 31.—По Q. II, 115. 130. 131. 186. 189. 198. 199, мискаль (*mithkal*) у арабовъ = по меньшей мѣрѣ 4,689 граммъ [= 105,54 долямъ]; а нормальный мискаль = 4,72 граммъ [= 106,22 долямъ]. Рѣчь идетъ не о монетѣ, потому что счетъ—не на динары, а на мискалы. Поэтому и когда

г) цифра оборотнаго капитала опредѣляется на основаніи показанія самого купца, д) въ полученіи пошлины, аширъ выдаетъ росписку. Взяваемая съ мусульманъ „десятина“ называется „милостынею“ („садакатъ“, „зекятъ“) и на самомъ дѣлѣ можетъ быть, вмѣсто уплаты „аширу“, раздана нищимъ. Эта „милостыня“ равна одной четверти десятины, т. е. $2\frac{1}{2}\frac{0}{10}$ оборотнаго капитала.

Мусульманскій купецъ можетъ отказаться платить „милостыню“ „десятиннику“, ссылаясь напр. на то, что а) не прошелъ еще годъ, какъ онъ уплатилъ „десятину“; б) что онъ путешествуетъ не для торговли; в) что на немъ лежитъ такой долгъ, что, за вычетомъ его, имущество его не достигаетъ „нысаба“; г) что онъ уплатилъ свою „милостыню“ самымъ дѣломъ, раздавъ ее нищимъ; д) что онъ уплатилъ ее другому „десятиннику“. Если сборщикъ „десятины“ сомнѣвается въ справедливости показанія купца, онъ можетъ только потребовать отъ него, чтобы онъ подтвердилъ свои слова клятвою. Ни въ какія дальнѣйшія разслѣдованія „аширъ“ не имѣетъ права пускаться. Законъ освобождаетъ даже купца, ссылающагося на то, что онъ уже уплатилъ „зекятъ“ другому „аширу“, отъ обязанности предъявлять квитанцію, — на томъ любопытномъ основаніи, что „почерки сходны“. Даже если онъ представитъ росписку сомнительной подлинности (напр. квитанцію, подписанную не тѣмъ сборщикомъ, о которомъ онъ говоритъ), его влятвѣ все-таки дается вѣра. — Точно такъ же, если торговецъ опредѣлитъ свой капиталъ цифрою на столько скромною, что возбудитъ подозрѣніе въ утайкѣ имущества, „десятинникъ“ не можетъ требовать отъ него ничего болѣе, какъ только клятвеннаго подтвержденія своихъ словъ. — Наконецъ имущество юноши-мусульма совсѣмъ не подлежитъ оплатѣ „зекятомъ“.

говорится о 200 диргемахъ серебра, нужно разумѣть не монетный диргемъ (о которомъ была рѣчь въ прим. на стр. 357), а вѣсовой (dirhem keil) = $\frac{2}{3}$ мискала = 3,146 граммамъ [= 70,815 дол.].

Все эти черты, касающіяся мусульманъ, для насъ интересны потому, что законъ прямо говоритъ, что „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дается вѣра клятвѣ муслима, должно давать вѣру и клятвѣ зимми“, если только послѣдній не приведетъ отговорки явно нелѣпой. Если напимѣръ онъ скажетъ, что онъ свою „десятину“ роздалъ уже бѣднымъ, то его отговорка не принимается, потому что онъ не имѣетъ права уплачивать „десятину“ этимъ способомъ. Съ юноши - зимми „десятина“ не взимается вовсе.

„Десятина“, платимая зимми, носить названіе „удвоенной милостыни“ („садака мудаафѣ) и равняется поддесятинѣ, т. е. 5 процент. съ капитала. Ахмедъ увеличиваетъ тяжесть этой пошлины для зимми тѣмъ, что „нысабъ“ для нихъ назначаетъ вдвое меньше, чѣмъ для мусульманъ: мухаммеданинъ начинаетъ платить лишь тогда, когда его капиталъ равенъ 200 диргемамъ серебра, зимми платить уже тогда, когда его серебро доходитъ до 100 диргемовъ. А Маликъ предписываетъ, что если зимми по торговымъ дѣламъ переходитъ изъ города въ городъ, то онъ обязанъ платить свою „удвоенную милостыню“ всякій разъ, какъ онъ открываетъ свои торговыя операціи въ другомъ городѣ, хотя бы ему пришлось уплатить „десятину“ и нѣсколько разъ въ годъ.

Въ торговомъ правѣ полнѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ законодательства, сказалось положеніе зимми какъ дѣйствительнаго гражданина: большая часть льготъ, которыми пользуются мусульмане, распространяется и на зимми. Но за свои умѣренные права зимми несутъ двойную тяжесть налоговъ сравнительно съ мусульманами, подобно тому, какъ зимми-землевладѣлецъ „пропорціональнымъ хараджемъ“, т. е. по крайней мѣрѣ $\frac{1}{8}$ -ю всего урожая, покупаетъ то право на землю, за которое муслими платятъ лишь $\frac{1}{10}$ -ю.

Торговля есть та область, на которой естественно могутъ завязаться мирныя отношенія между „землею ислама“ и „землею

войны“, „дар-уль-исламомъ“ и „дар-уль-харбомъ“, и нѣсколько любопытныхъ штриховъ торговаго законодательства обрисовываютъ эти отношенія мусульманъ къ кафирамъ-иностранцамъ.

Иностранецъ („харби“) можетъ какъ „мустэминъ“ [т. е. заручившись „аманомъ“?] проживать въ мусульманскомъ государствѣ и вести торговыя операціи. Если извѣстно, какую пошлину берутъ съ мусульманскихъ купцовъ его соотечественники, то она примѣняется къ нему во всей силѣ, такъ что, если въ его странѣ мусульмане не платятъ ничего, то и онъ ничего не платитъ. Если же торговый тарифъ его страны неизвѣстенъ, то вступаютъ въ силу спеціальныя постановленія мусульманскаго права. Именно, „мустэминъ“ платитъ дѣйствительно „десятину“, т. е. 10⁰/₁₀₀, и, кажется, не только съ товаровъ, привезенныхъ на продажу, но вообще съ находящагося при немъ имущества, однако лишь въ томъ случаѣ, если оно достигаетъ „нысаба“. Ахмедъ и здѣсь послѣдователенъ: онъ назначаетъ „нысабъ“ для „харби“ вдвое ниже, чѣмъ для „зимми“: уже 50 диргемовъ серебра „харби“ подлежатъ оплатѣ „десятиною“. И съ „мустэмина“ „десятина“ взимается однажды въ годъ, а съ юноши не берется вовсе. Вѣры слову „мустэмина“ не даютъ ни въ чемъ, за исключеніемъ того случая, когда онъ показываетъ, что онъ уже уплатилъ „десятину“ другому сборщику. Въ этомъ случаѣ ему вѣрятъ, „потому что недоувѣріе къ его словамъ послужило бы поводомъ къ отнятію у него имущества“¹⁾. Такимъ образомъ положеніе купца-иностранца вдвое тяжелѣе, чѣмъ положеніе купца-зимми. Нельзя однако не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ законоположеніяхъ о „харби“ мусульмане почти рисуются своимъ великодушіемъ. Напр. соотечественники этого „харби“ имѣютъ обычай отнимать у мусульманскихъ купцовъ ихъ имущества, то мусульмане не подражаютъ ихъ дурному примѣру и не идутъ такъ далеко въ своемъ правѣ возмездія: они оставляютъ „мустэмину“ его имущество, пока онъ не достигнетъ своего убѣжища. Или, положимъ — въ 1201 г. гиджры, три купца: „муслимъ“,

¹⁾ Г. 32

„зимми“ и „мустэминъ“, не платившіе „десятины“, ложно показали, что они уже уплатили ее другому „десятиннику“. Подать съ нихъ не была взята. Въ 1202 г. „мустэминъ“ возвратился на родину, въ 1203 г. опять прибылъ въ „дар-уль-исламъ“. Въ это время обнаружилось съ несомнѣнностію, что они всё трое солгали, что въ 1201 г. „десятина“ ими не уплачена. Съ „муслима“ и „зимми“ теперь (1203 г.) взыскиваютъ и „десятину“ за 1201 годъ, а съ „мустэмина“ — нѣтъ. Когда въ 1202 г. онъ выбылъ въ „дар-уль-харбъ“, то всякая власть надъ нимъ мусульманскаго государя прекратилась, между тѣмъ нѣтъ причины, которая уничтожила бы его права на взиманіе подати съ его подданныхъ „зимми“ и муслима.

Таковы главныя черты права по шеріату, — законодательства, о которомъ не легко сказать что нибудь хорошаго: такое широкое мѣсто отводится на его страницахъ культу собственной пользы, такъ грозно оно для иновѣрца и своимъ строгимъ соблюденіемъ, и своимъ неопредѣленнымъ произволомъ. *Dura lex.*

Sed lex. Это все таки не систематическій курсъ стратегіи „правовѣрныхъ“ противъ ихъ невѣрныхъ подданныхъ, а право: не всегда оно только ограничиваетъ „зимми“ въ ихъ дѣйствіяхъ, изрѣдка оно ихъ и защищаетъ отъ незаконныхъ притѣсненій. Иногда мусульманскіе юристы имѣютъ мужество держаться своего принципа даже и тогда, когда его слѣдствія обращаются противъ самихъ же мухаммеданъ.

Во всякомъ случаѣ въ рукахъ достойнаго государя, „имама“, на усмотрѣніе котораго самъ законъ оставляетъ такъ многое, шеріатъ могъ бы сдѣлаться и не исключительно орудіемъ гнета: власть умная и твердая и при дѣйствіи шеріата могла бы обезпечить христіанамъ — конечно не гражданскую и религіозную полноправность и не благоденствіе, но сносное существованіе. **В. Вологовъ**

Изъ «Христ. Чтен.» № 9—10, 1882 г.

Печать дозволяется 2 сентября 1882 г. Ординарный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Иоанъ Троицкій.*

Типографія О. Елавоискаго и К. Невск. пр., д. № 134.